

Рената Окинская

Кумир для Страховидлы

18+

Рената Окинская

Кумир для Страховидлы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63531392

SelfPub; 2020

Аннотация

Что может натворить женщина, которой от любви сорвало крышу? Да все, что угодно! А уж если две влюбленные дамочки выбирают один и тот же предмет для обожания, последствия запросто могут выйти за рамки привычного. Снежана, всю жизнь считавшая себя дурнушкой, влюбляется в "плохого мальчика", и больше не может ни есть, ни спать – так ей хочется заполучить его! Она готова буквально вывернуться наизнанку, лишь бы красавчик обратил на нее свое внимание, и она решительно принимается за дело... Но это в недалеком прошлом. А в настоящем буквально у нее под носом происходит убийство! Мало того, кто-то упорно старается убедить окружающих, что убийца она, Снежана.

Рената Окинская

Кумир для Страховидлы

Пролог.

Как-то раз в одной семье родились две сестры. Не сразу родились, по очереди – сначала красивая, а потом умная. Красивая и ребенком была очаровательна, а уж с возрастом просто расцвела – натуральная блондинка с густой копной волос, спадающих эффектными кудрями, нежная белая кожа, и необычные, редкие, яркие зеленые глаза в обрамлении густых ресниц. И фигура у нее была – закачаться можно, мужчинам от восторга, женщинам от зависти. Естественно, с детства она привыкла к обожанию, восхищению и поклонению. Красивая девочка превратилась в прекрасную девушку, а та, в свою очередь – в сногшибательную женщину. При таком раскладе она быстро поняла, что ее внешность автоматом обеспечивает ей устроенное благополучное будущее. Оставив в стороне мысли об образовании и карьере, она посвятила свое время уходу за собой.

Конечно, дурочкой она не была, и даже обладала определенной, истинно женской мудростью, но все-таки развитым интеллектом совсем не блистала. Да, в общем-то и не стремилась производить впечатление своими познаниями, ей вполне хватало того впечатления, которое она производи-

ла одним своим появлением.

Старшенькая умела главное, с ее точки зрения – заботиться о своей внешности, и пользоваться ею, успешно присовокупив к ней легкость в общении и природное обаяние. Она рано вышла замуж за весьма обеспеченного человека, быстро научилась вить из мужа веревки, и делала это так виртуозно, что супруг с восторгом воспринимал любой ее каприз.

Со временем у них родилась дочка. И мама щедро поделилась с ней своей красотой – малышка росла сущим ангелом, с возрастом перенимая от матери искусство быть по-настоящему шикарной женщиной.

Но что же вторая сестра? А вторая... Природа порой причудливо выражает свою справедливость, вот и здесь свои дары она раздавала весьма своеобразно. Наделив старшенькую чудесной внешностью, но сдержанно одарив ее по части мозгов, с младшенькой она поступила в точности до наоборот. Девчушка выказывала признаки блестящего интеллекта, еще не научившись говорить, но вот в зеркало ей лучше было не смотреться....

Как же сложилась ее жизнь? Ее, наделенной прекрасным, ясным и острым умом, но начисто лишенной хоть каких-то привлекательных внешних черт?

Если бы она не умела пользоваться своей головой, то и

умной она не была бы. Девочка быстро поняла, что когда она находилась рядом со своей сестрой, то окружающие втайне поражались – как от одних и тех же родителей могли получиться такие разные дочери? Только вместо того, чтобы горевать по этому поводу, наша умница, трезво оценив ситуацию, хладнокровно приняла этот прискорбный факт за отправную точку. Она отдавала себе отчет, что ее личное счастье в ее руках. А еще – что нет ничего невозможного для человека с интеллектом.

И поэтому она вышла замуж всего на год позже своей сестры. И не просто вышла замуж, абы за кого, лишь бы согласился. О нет, младшенькая искала себе такого, чтобы был один, единственный и неповторимый, лучше всех на свете, самый любимый... Искала и нашла. Может, красавцем и его сложно было бы назвать, да только не за красоту она его выбирала. Парень обладал гораздо более ценными, с ее точки зрения, качествами – тягой к знаниям, ясным рассудком и чувством юмора. С ним она могла отдыхать душой, с ним она могла общаться на равных о чем-то таком, о чем большинство людей, порой, и представления не имеет. С ним она нашла редкостное взаимопонимание, гармонию и – счастье. То самое простое семейное счастье, о котором мечтает почти каждая женщина.

И у этой интеллектуальной парочки тоже вскорости родилась дочь. Любимая, обожаемая дочурка, в которой новоявленные мамочка и папочка души не чаяли. Она тоже унасле-

довала от родителей то, что они могли ей дать – девочка росла просто редкой умницей. И, наверное, если бы она пошла по маминым стопам, то все могло бы быть прекрасно, но...

Что-то пошло не так. Почему-то, вопреки всем советам матери, вопреки собственному четкому пониманию, что природа, щедро наградив одним, так же обделила другим, эта особа никак не могла удовольствоваться тем, что имела. Ей хотелось большего. И, увы, как раз того, чего она была от природы лишена... Ей хотелось красоты, романтики, счастья... Ей так хотелось, чтобы глядя на нее люди не думали снисходительно что-то вроде: «третий сорт – не брак». Она мечтала о том, чтобы ловить на себе восхищенные мужские взгляды, чтобы хотя бы просто понять, что это такое – когда на тебя смотрят с обожанием, когда ради тебя готовы на любые глупости, когда тебя хотят так, что при одном взгляде срывается дыхание...

Она все понимала прекрасно. Отдавала себе отчет в том, какая она есть, что из себя представляет. Но все продолжала тайком читать любовные романы, и вздыхать по «плохим» мальчикам – испорченным, но таким красивым, таким раскованным, таким привлекательным...

Наверное, какой-то заплутавший ген, передавшийся ей от тетушки, баламутил кровь. Увы, на то, чтобы хоть как-то приукрасить внешность, его уже не хватило. И мечты о прекрасных принцах и их головокружительных подвигах во славу любимой женщины, так и оставались мечтами, ибо отра-

жение в зеркале начисто отрицало даже намек на возможность хоть немножко «опринцесситься».

Отражение в зеркале безжалостно отображало плотную фигуру со слишком массивными для женщины плечами. Из-за подспудного желания хоть как-то эти плечи спрятать, фигура все время сутулилась. К плечам прилагалась ничем не примечательная среднестатистическая грудь, на полразмера не дотянувшая до «троечки», под которой расположился рыхленький, и, несмотря на небольшие года, довольно объемный животик. Из-под него спускались пухлые ножки, воткнутые в «ушастенькую» попу. Конечно, животик можно было бы убрать, попу подтянуть и ножки подкачать... вот только какой в этом смысл, когда над всем этим возвышается такое лицо?

Лицо с бледной (далеко не аристократической бледностью!) кожей, с простецким носом «пуговкой», с губами, слишком большими и пухлыми. И, словно в издевательство, в противовес, со слишком маленькими, будем говорить откровенно – «пороссячьими» глазками. Последние, правда, имеют красивый зеленый цвет, но этого все равно не разглядеть на таком бледном и несимпатичном лице. И все это «великолепие» увенчано копной волос непрезентабельного «мышинного» цвета, чаще всего стянутой резинкой в хвостик на затылке потому, что больше с ними все равно делать больше нечего.

Вот такую, прямо скажем, не вдохновляющую картину

отображало зеркало всякий раз, стоило мне в него заглянуть...

Конечно, к двадцати пяти годам я более-мене свыклась с тем, что мне придется жить с такой внешностью. Я признала перед собой тот факт, что красавицей мне не быть, загнала в самые потаенные уголки души мечты о красивых мужчинах, головокружительных романах и незабываемых приключениях, и стала просто жить.

Но вот чего я так и не смогла сделать – так это принять мамину позицию и искать себе мужчину, оставив в стороне фактор внешности. Ну не могла я представить себе, что каждое утро просыпаюсь, а в моей постели лежит еще один крокодил, кроме меня!

Вообще, в отличие от мамы, я свои комплексы по поводу внешности преодолеть так и не сумела, и они довели надо мной, оказывая влияние на всю мою жизнь.

Например, у меня всегда была способность к языкам, способность приводившая моих преподавателей в благоговейный экстаз. В школе я учила сразу два языка – английский и французский, и это не вызывало у меня никаких проблем. В университете я добавила к ним еще и немецкий. А спустя какое-то время всерьез задумалась о том, чтобы переключиться на что-то более сложное и интересное – меня всегда манил японский.

Но до дела так и не дошло. Запал угас, когда я представила себе, как работаю переводчиком. Вот сижу я, где-нибудь на

переговорах, вся такая деловая, в строгом черном костюмчике, белоснежной рубашечке, из воротника которой торчит лицо, на которое никому не хочется смотреть. И все участники этих переговоров обращаются ко мне как кому-то бесполому, неинтересному, кто присутствует здесь исключительно благодаря тому, что хорошо знает языки. А как женщина никого не может заинтересовать – ни русских, ни японцев, ни вообще кого бы то ни было! Ну и на кой мне это? Чувствовать себя чем-то вроде автомата по продаже напитков, очень надо...

От таких мыслей, понятное дело, руки опускались сами собой. Мне ничего не хотелось – ни изучать, ни добиваться. Мне вообще не хотелось лишний раз привлекать к себе внимание.

Поэтому я, раз и навсегда, вбилась в джинсы, толстовку и кроссовки, и нашла себе работу на оптухе средней руки, расположенной на самой окраине спального района, в котором жила. Это место устроило меня главным образом именно своей непрезентабельностью и демократичным отношением к внешности сотрудников. Джинсы и кроссовки тут были в порядке вещей – на каблучках не особо набегаешься в складские корпуса. Конечно, и у нас были свои признанные красавицы, но все же это был не офис в центре города, где каждая особа женского пола старается показать себя во всем великолепии, а коридоры бизнес-центра напоминают подиум показа мод в деловом стиле.

В общем, как я уже и говорила, к двадцати пяти я более-менее смирилась с положением вещей. Работала на опухе специалистом по распределению товара, выполняя заодно функции начальника отдела, жила с родителями, любившими меня такой, какая я есть, и потихоньку откладывала деньги на машину. Не то, чтобы она была мне очень нужна, но копить сбережения просто так мне не позволял характер, транжирить их – тем более. Машина же представляла собой вполне конкретную цель, достаточно интересную, чтобы предпринимать ради нее усилия. И вполне возможно, что я бы ее в конце концов купила бы, и возможно тогда самым большим потрясением в моей жизни стал бы экзамен в ГИБДД, но...

Однажды летом, в начале июня, в нашем подъезде, мало того, на нашей лестничной клетке, появился новый сосед. Фотограф.

И мне сорвало крышу...

В конце января...

– Как трогательно! Ты даже имя ему дала... Дэн! Это, конечно, гораздо лучше, чем просто какой-то «дневник», – Виктор гаденько ухмыльнулся и самодовольно закинул ногу на ногу.

Она дернулась, резко выпрямилась и замерла, стоя спиной к нему. Кровь бросилась в голову, стало трудно дышать, и

как-то сразу захотелось плакать. Так вот куда делать ее тетрадь!

Почему-то название «дневник» страшно ей не нравилось, даже раздражало. «Дневник» – это что-то сопливо-девчоночье, мило-карамельное, романтичное... А ей нужно было совсем не это. Ей нужно было что-то, некое пространство, куда она могла сбрасывать так неожиданно нахлынувшие чувства, такие внезапные, острые, такие беспощадные...

От бурливших в душе эмоций порой просто разрывало на части. Но о том, чтобы поделиться этим с кем-то и речи быть не могло! Никто не смог бы понять ее в целом мире, никто! А бумага... Может и не понимала, но уж точно принимала все, как есть.

Когда ей пришла в голову мысль дать дневнику имя, стало гораздо приятнее. Как будто болтаешь со старым приятелем. Настолько старым и настолько близким, что ему можно доверить все. Абсолютно все.

Она ощутила, как перехватило горло, это даже не слезы были, а какой-то тугой влажный ком, застрявший где-то чуть выше ключиц, и не дающий ни глотнуть воздуха, ни ответить с достоинством.

– Как он попал к тебе? – с трудом спросила она.

– Хм-м... – прежде, чем ответить, Виктор нарочито громко отхлебнул кофе из ее кружки. В этот момент он чувствовал себя в ее небольшом кабинетике полновластным хозяином. Это были минуты его триумфа, и он наслаждался каж-

дым мигом: – Помнишь тот ужасный вечер, когда шел дождь со снегом, а тебе, якобы, нездоровилось? И ты заставила меня тащиться к тебе?

Она сокрушенно склонила голову. Как же он прав! Просить его прийти было в высшей степени глупо! Но у нее и в самом деле была высокая температура и от слабости по стенкам швыряло. Увидеться тогда им нужно было срочно, и она решила, что из двух зол наименьшее – это позвать его к себе, а не выходить из дому в таком ужасном состоянии.

Значит, пока она возилась на кухне, наливая ему чаю, так как он, по его выражению «замерз как собака», он быстренько порылся в ее вещах. И нашел дневник! Да и не прятала она его особо, от кого прятать-то? От себя что ли?

– Верни его мне! Он мой! – она по-прежнему стояла к нему спиной, не в силах повернуться и продемонстрировать лицо, предательски отражавшее все ее чувства. Показать ему свою слабость – все равно, что собственноручно вложить в руки поводок, привязанный к строгому шипастому ошейнику, за которой этот гад будет с превеликим удовольствием дергать по поводу и без...

– Верну, – голос Виктора звучал так благодушно и проникновенно, что она поняла – пропала. И он тотчас же подтвердил ее худшие подозрения: – Обязательно верну, моя прелесть. Это твое и принадлежит тебе. Такие сокровенные переживания... Не волнуйся, я же все понимаю! Не приведи Господи, чтобы кто-то узнал об этом. Особенно один чело-

век... Ты же знаешь, эта тварь меня тоже бесит!

Она кое-как взяла себя в руки, постаралась изобразить на лице максимум безразличия, и повернулась к нему. Выражение физиономии Виктора на редкость соответствовало его тону – такое же самодовольное и лживо-участливое. Наверное, именно с таким выражением лица маньяк похлопывает по лицу свою жертву прежде чем начать ее мучить...

– Поэтому будь спокойна – я на твоей стороне, – Виктор многозначительно замолчал, предоставляя ей самой принести то, что как они оба понимали, теперь в любом случае будет сказано.

– Чего ты хочешь? – холодно спросила она, надеясь, что интонации не выдадут охватившую ее панику.

– Умница моя! – Виктор восхищенно хлопнул в ладоши. – Как всегда – зришь в самый корень! Конечно за сохранение столь пикантной, – Он красноречиво поиграл бровями и хищно, мерзко облизнул губы: – Тайны я вынужден попросить тебя кое о чем. Так, пустячок, ничего серьезного...

– Чего ты хочешь? – повторила она с обреченным бешенством, которое можно было уже не скрывать. Ведь понятно, что его «пустячок» вынет из нее всю душу. Виктор не был бы Виктором, если бы не разыграл эту карту с максимальной для себя выгодой...

Запись в Красной тетрадке.

5 июня, суббота.

«Дэн!

Сегодня один их самых счастливых дней в моей жизни! Потому, что сегодня я влюбилась! Это, конечно, полное сумасшествие, ведь я его еще совсем не знаю, но я точно знаю – он – моя судьба!

Ладно, расскажу по порядку. Сегодня утром я собиралась к Лене на маникюр. И пока я пила свой кофе, я от скуки выглянула в окно кухни. Мое внимание привлекло необычное оживление у подъезда, где живет Страховидла. Там стоял грузовичок, люди заносили вещи в подъезд. Я поняла, что кто-то заселяется. Я наблюдала, как все там суетятся, просто так, от нечего делать, и вдруг увидела ЕГО!! Его силуэт сразу бросился мне в глаза – такой высокий, с широкими плечами. У него такая осанка красивая. Поистине королевская! На нем была футболка с глубоким вырезом, в обтяжку, и джинсы, и еще у него светлые длинные волосы, они были собраны в пучок на затылке. Он очень привлекательный. Бывают такие мужчины, от которых просыпаются самые древние инстинкты... Вот ОН как раз из таких.

Я раньше никогда не верила в любовь с первого взгляда! Сама бы первая рассмеялась, если бы мне кто-то начал что-то такое втирать. Но теперь я знаю – она есть! Ведь мне хватило всего несколько секунд, я его даже вблизи еще не видела, но знала откуда-то, что он – тот самый!

Я не могла сидеть на месте, мне просто необходимо было увидеть его вблизи! Я вышла во двор, притаилась за машинами как какая-то дурочка, и стала наблюдать. Вскоре я смогла как следует рассмотреть его. Он такой красивый! И у него потрясающая улыбка! И вообще, он лучший, лучший в мире! Мне так приятно было смотреть, как он таскает вещи, как у него мышцы на руках и спине вздуваются, когда он тяжести поднимает. Хотя, удивительно, ведь он работает фотографом. Но понятное дело, он следит за собой, за своим шикарным телом, которое теперь не выходит у меня из головы.

Как я узнала, кем он работает? Да очень просто! Там ошивалась эта дура, Страховидла. Она типа помогала, дверь придерживала и вещи сторожила. Вот гадина, успела примазаться! С этой своей идиотской смущенной улыбочкой – вся такая хорошая, всегда рада помочь... Конечно, если она ко всем лезть не будет, то к ней вообще никто не подойдет в жизни!

Так вот, он сказал кому-то из грузчиков: «Осторожно, в этом ящике аппаратура!», а эта овца тут же влезла с вопросом: что за аппаратура. Ну, он и ответил, что осветительная, и что он работает фотографом, и дома у него тоже будет небольшая студия.

Он заметил меня и улыбнулся. Он посмотрел мне в глаза. И вот в эту самую секунду я влюбилась в него. Влюбилась так, как никто еще в жизни не влюблялся! У меня внутри

просто извержение вулкана!

Мне стало неловко от того, что я торчала там и пялилась на него. Я решила подойти, поздороваться, заговорить с ним. Тем более, что эта дурында наконец свалила! Хорошо, что она меня не видела.

Но когда я подошла, и он снова посмотрел на меня, я еле-еле смогла спросить, не нужна ли помощь. Стояла и мямлила, как последняя идиотка! И это я, я, при виде которой обычно мужики сами теряют дар речи и начинают блять как придурки! Но глядя в его глаза я сама стояла дура-дурой, и ничего не могла сказать.

Он сказал, что помощь не нужна, так как они уже почти закончили, поблагодарил меня.

И еще! Он сказал, что если у меня появится желание сделать пару фотографий, я могу обратиться к нему и прийти в его студию!

Студия! У меня даже руки дрожат, когда я думаю об этом! Я теперь мечтаю оказаться в этой студии. Я хочу, чтобы он устроил мне фотосессию. О да, я знаю почему он сразу обратил на меня внимание! Он ведь не первый, далеко не первый, кому крышу сносит при виде меня. Я уже мечтаю о том, как буду ему позировать!»

Наши дни (февраль).

– Подбельская! – взревело у меня в ухе. От неожидан-

ности я вздрогнула и шарахнулась в сторону. Оглянулась – на меня, победно сверкая тщательно накрашенными глазами серыми, смотрела Вика Волгина. – Где тебя носит?! Генерал тебя обыскался.

– Вик, я сейчас к нему подойду, – спокойно ответила я, – буквально через пару минут.

Ингрид демонстративно отошла на два шага, делая вид, что Волгину не замечает напрочь.

Я прихлебнула кофе и взглянула на нее безмятежным взглядом. Вика от такой наглости побагровела. По ее мнению, я должна была тут же опрометью броситься на призывный зов начальства. Я и сама не знала, зачем злю ее, ведь ясно же, что раз вызывает генеральный, то не пойти невозможно. Даже несмотря на то, что сейчас – наш законный перерыв. Но я и в самом деле с утра успела уже вымотаться, и небольшая передышка – кружка с кофе и пять минут – была просто необходима! Пять минут на продуваемой всеми ветрами эстакаде, прилепившейся вдоль ангара, где был оборудован наш офис, он же склад. Кроме того, мне совершенно непонятно было, что побуждает Вику кричать на всю округу, если я стою в двух шагах от нее, и я не могла удержаться от того, чтобы хоть немножко не подразнить ее.

– Подбельская! Он тебя срочно вызывал. Понимаешь? Срочно! Я тут бегаю по всем складам, еле тебя нашла, а ты стоишь, чаи распиваешь!

– Ну, если ты так за него переживаешь, можешь ему до-

ложить, что я уже вышла в его направлении.

– Снежана! Ну что за дела? Это же начальник! Его не волнует, чем ты сейчас занята! Перерыв ты себе можешь в любой момент устроить...

– Вика, – перебила я ее, начиная злиться, – я в офисе с восьми утра, сейчас три часа дня, я за это время вообще первый раз за день задницу от стула оторвала! Так что не говори мне насчет любого момента. А если начальство чем-то недовольно, предоставь мне с этим самой разбираться! И ради Бога, оставь меня на пять минут в покое! Если тебе все еще необходимо напоминать об этом, то твой начальник – это я!

Вика несколько секунд пыталась сдвинуть меня с места взглядом, вложив в него все свое возмущение. Убедившись, что взгляды, даже самые колющие, на меня не действуют, она с раздражением фыркнула:

– Ну, как знаешь!

После чего развернулась на сто восемьдесят градусов и энергично удалилась. Я поежилась под нежарким февральским солнышком и поплотнее запахнула пальто.

– Терпеть ее не могу! – прошипела Ингрид, с отвращением глядя в удаляющуюся спину нашей коллеги. Ее, обычно невыразительное, лицо, сейчас пылало возмущением. – Сейчас ведь пойдет и первым делом накапает, что ты начальство ни в грош не ставишь! Вместо работы на эстакаде со мной кофеек попиваешь! Я уже молчу про то, как она с тобой разговаривает! Она вообще в курсе, что такое субординация?

– Оставь ее, – махнула я рукой. – Черт, называется – попила кофейку! Ладно, пойду, в самом деле, нельзя же заставлять директора ждать. А на Вику не обращай внимания, она несчастный человек.

– Злой она человек! Она же...

– О, Снежка, ты здесь! – подскочил ко мне Стас, кладовщик с третьего склада, худенький, светловолосый, а в свете зимнего солнца так и вовсе полупрозрачный. К тому же, поверх тонкой водолазки он накинул лишь жилетку – при одном взгляде на него становилось холодно! Он схватил меня за руку ледяными пальцами: – Пойдем! У меня накладные, надо исправить срочно!

– Стас! – выверилась Ингрид, – Отстань от нее! Она первый раз за день от работы оторвалась!

– Но у меня машина...

– Во сколько отходит твоя машина?

– Через полчаса...

– Так чего ты нервничаешь и нас нервируешь? За полчаса она тебе их сто раз переделать успеет! Ее вообще Генерал ждет!

– Вот! Тем более! – испугался Стас, на всякий случай еще сильнее сжимая мое запястье, – Генерал ее как зацапает, потом вообще не допросишься...

– Стасевич! Отцепись от меня! – попросила я, – Через полчаса у тебя будут все документы. Положи мне на стол, я все сделаю!

– Ладно, – нехотя сдался он, видя наш решительный настрой, – но только мои – в первую очередь! До генерала еще! – И он быстренько ушел, на всякий случай не дожидаясь ответа.

– Так о чем это мы?.. – наморщила лоб Ингрид. Я только открыла было рот, чтобы быстренько сказать ей пару срочных вещей перед тем, как убежать к начальству...

– Ингрид! Наконец-то я тебя нашел! – по эстакаде к нам со всех ног спешил Дима и орал еще издали, видимо, чтобы мы не успели куда-нибудь смыться. Из его рта вырывались густые облака пара, из-за чего он живо мне напомнил какой-то старинный локомотив. – Ингрид, девочка моя! Где ж ты ходишь целый день? Я уже обскучался весь!

Дима – заведующий морозильным складом, в противоположность Стасу, отличался телосложением быка, был темноволос, почти всегда небрит, а лицо его, выдубленное морозом, навсегда приобрело красноватый оттенок и казалось сделанным не из обычной кожи, а как минимум из кирзы. Ингрид молча схватилась за бледный лоб.

– Дима, – обратилась я к нему, – что тебе от нее надо? Скажи быстро, и оставь нас в покое на ближайшие пять минут!

– Снежочек, ты как всегда, просто прелесть! Девчонки, я вам говорил, что среди всего этого народа, вы две единственные, кто действительно достоин внимания?

– Говорил, – ответили мы с Ингрид одновременно, и она

добавила, – как и большей половине наших сотрудниц!

– Гришенька! – Дима сложил бровки домиком и широко, умильно улыбнулся. – Им я вру, а вам – никогда!

Мы с ней не удержались и хором фыркнули. Все-таки этот клоун умел поднять настроение. Хотя, конечно, трепло он редкостное.

– Ингрид! – продолжило трепло. – В нашу ревизию исправления вносить надо...

– Дим, совесть у вас есть?! – тут же снова разозлилась моя заместительница. – Ревизия была неделю назад! Какие теперь могут быть исправления? Я ваши косяки задним числом перекрывать не собираюсь!

– Гришанюшка, девочка, солнышко! – заканючил Дима, – Ну, лапушка моя! Ну, какие косяки? В ревизию считались в ночь, сама понимаешь, холодильник, минус десять снаружи, минус восемнадцать внутри, ребята грелись естественно... Ну, где-то в чем-то просчитались... Я как результаты посмотрел, меня чуть кондрашка не хватил!

– Какая я тебе девочка, блин! – возмутилась Ингрид. – Дима, что ты мне говоришь, я что, первую ревизию с вами делаю? Я ...

Договорить он ей не дал. Вынул из ее пальцев почти докуренную сигарету, отшвырнул за край эстакады, проигнорировав стоящую в двух шагах пепельницу. Отобрал чашку, глотнут из нее, прихватил Ингрид под локоток и потянул в сторону двери в офисную часть ангара. Она упиралась и по-

ворачивалась в мою сторону – я ведь так и не успела сказать ей то, что собиралась. Я махнула рукой – иди, мол, уже, тоже глотнула напоследок абсолютно остывшего кофе, и ринулась в офис. Сунула кружку на свой стол, ужаснулась от количества бумаг, которые таинственным образом образовались там за время моего недолгого отсутствия, развернулась и полетела к генеральному. Поднялась к его кабинету, находившемуся на своеобразном возвышении, воздвигнутом в центре административного отдела, перевела дух, оправила юбку и стукнула в дверь.

– Снежана, заходи! – послышалось из кабинета.

– Вечно вы знаете, что это я!

Аркадий Юрьевич заулыбался, жестом показал, чтоб закрыла дверь, кивнул на стул.

– Так стучишь только ты. Стукнешь один раз, но так, что если штукатурка с потолка не посыпалась – считай – повезло. Разведка донесла, что ты нагло игнорируешь высокое начальство?

Я пожала плечами. Генеральный и сам знал, что я целый день пахала. Кабинет его, а так же его зама был сконструирован таким образом, что он при желании мог в любой момент выглянуть в окошко, выходящее в наше помещение, и полюбоваться на мою, словно приклеенную к стулу, пятую точку. Окна в другой стене давали возможность наблюдать за происходящим в торговом зале. Руководитель наш, на наше счастье, человеком был вполне адекватным, видел, кто

чего стоит, и, как правило, не позволял вешать себе лапшу на уши. Поэтому не обратил на мою небольшую выходку особого внимания, а сразу перешел к делу:

– Снеж, мне нужны отчеты. По движению товара за последний месяц и по динамике продвижения пяти ведущих брендов за полгода.

– Угу, – буркнула я, даже не пытаюсь изобразить восторг по этому поводу: – И, конечно же, все срочно.

Генеральный криво улыбнулся:

– Собрание через сорок минут. Приедут все соучредители. Как всегда, предупредили в самый последний момент. Любят нас в тонусе держать, чтоб их... – он, видимо хотел что-то еще добавить, от души, но все-таки взял себя в руки и сдержался, дабы совсем уж не ронять учредительский авторитет в моих глазах. Хотя, откровенно говоря, зря старался. Чтобы хоть как-то выплеснуть эмоции, он резким движением оправил лацканы пиджака, ладно сидевшего на его плотной фигуре, и яростно потерябил галстук, слегка ослабив узел.

– Ясно.

– Ты же понимаешь, что к этому времени мне хотя бы бегло нужно это просмотреть.

– Понимаю.

– Сколько тебе надо времени на это?

– Вам теоретически или на самом деле?

– Теоретически.

– Тогда полчаса как минимум.

– А на самом деле?

– Можете взять палку и встать у моего стола. Тогда может быть часа за полтора и уложусь...

– Грустно все это, – вздохнул генеральный. – Тебя совсем задержали?

– А вы посмотрите на мой стол.

Ар-Ю на минуту задумался, и выдал нестандартное решение.

– Садись за мой компьютер. Пока ты здесь тебя, никто потревожить не сможет.

Он вышел из-за стола, и я села на его место.

– Хочу такое же кресло! – заявила я и обернулась вокруг себя, отталкиваясь от пола носочком замшевой туфельки. Генеральный улыбнулся ласково, хоть и несколько вымученно.

Я прикусила язык и подумала, что искусству кокетства мне еще учиться и учиться. Хотя, как объект, наш руководитель был хоть куда – интересный мужчина около сорока, среднего роста, всегда гладко выбрит, безукоризненно одет и благоухает неброским, но исключительно приятным парфюмом. Не могу сказать, чтобы я всерьез хотела бы претендовать на его мужское внимание... Но Кристина старательно вбила мне в голову, что искусство обольщения нужно оттачивать при каждом удобном случае. Еще бы мне научиться лучше отличать удобный случай от неудобного...

– Я вернусь через пятнадцать минут, – сказал он, вышел из кабинета и запер за собой дверь. Чтоб я не сбежала что ли? Через минуту я уже погрузилась в отчет с головой и была ему благодарна за то, что он меня запер. Краем уха я слышала, как кто-то в нашем отделе вопрошает, где я есть. Конечно, насчет сорока минут он преувеличил на всякий случай. Перед приходом учредителей минимум часа за полтора поднимается нереальный кипеш – вся оптуха дружно приводится в состояние полной боевой готовности, чтобы (упаси, Господи!) не ударить в грязь лицом перед «высоким» начальством. Но Аркадия Юрьевича можно понять, ведь десяти минут маловато будет, чтобы подготовиться.

– Она у генерала сидит, – ответила Волгина. Вот ведь вездесущая!

– Да ладно, я его только что видел в зале.

– Не веришь, сходи, проверь, – огрызнулась Вика.

Ар-Ю и в самом деле вернулся через пятнадцать минут. Мой голодный нос уловил легкий запах котлет, и я поняла, что он воспользовался перерывом и сгонял в столовую. Мне же, судя по всему, стоило распрощаться с иллюзиями и на обед не рассчитывать, что не могло меня не расстраивать. Не только потому, что голод в принципе не делал меня добрее, но и потому, что с некоторых пор я стала очень тщательно следить за своим питанием, что в нашем сумасшедшем коллективе порой было совсем не просто. Хотя, «аварийный» вариант у меня а запасе всегда есть...

Генеральный постоял у меня над душой, повздыхал, видимо, надеясь, таким образом как-то ускорить процесс создания отчета. Потом тихо присел в кресло для посетителей и принялся копаться в бумагах.

Еще через двадцать минут отчеты были готовы. И теперь уже Ар-Ю нырнул в них с головой, а я вернулась на рабочее место. Вынула из ящика пакетик с суповым концентратом, залила его кипятком из кулера. Не бог весть что, конечно, но все же лучше, чем совсем пустой желудок. Отламывая небольшие кусочки от ржаной горбушечки и запивая их смесью со вкусом грибов, печально отдававшей химией, я постаралась быстренько разгрести завал в своих делах.

В нашем отделе жизнь, как всегда, кипела. Поглядывая по сторонам, чтобы раньше времени не наткнуться на Стаса, я быстренько взялась за исправление накладных. В конце концов, я ему обещала документы через полчаса, а прошло уже больше. Накладные я доделала – Стаса на горизонте видно не было. Я отловила парня, идущего в ту же сторону, и попросила все это передать. Парень кивнул, и, зажав документы под мышкой, удалился в сторону складов с почти сверхзвуковой скоростью. В это время зазвонил телефон на моем столе, на дисплее высветился внутренний вызов.

– Снежана!!! – вопил Стас в трубке не своим голосом. – Машина под парами! Я к тебе три раза подходил, а тебя все не было! Задержится рейс, мне же по башке настучат!

– Стас!!! – Заорала я в ответ. – Документы двигаются к

тебе с бешеной скоростью, я их с вашим Степкой передала! Так что прекрати истерику!

– Спасибо, Снежик! – с чувством сказал он и отключился.

В таком же духе продолжался рабочий день, то есть в нормальной рабочей обстановке. Мы еще раз встретились с Ингрид на эстакаде ближе к концу рабочего дня. Она вся кипела от эмоций, тусклые волосы, собранные в пучок на затылке, растрепались и лезли ей в глаза.

– Ты чего? – поинтересовалась я, глядя, как она нервно достает сигарету и щелкает зажигалкой. Хотя мы и работали за соседними столами, я была абсолютно не курсе, что же ее так вывело из себя. День был какой-то совсем суматошный, и я то носилась по всей территории, то сидела, с головой погрузившись работу и в принципе не реагируя на внешние раздражители, так что как-то выпала из происходящего.

– Да ну на фиг! – высказалась Ингрид и глубоко затянулась. – Кругом одни кретины! Сначала у себя разобраться надо! А не людей почему зря дергать!

– Ин, по порядку давай...

– Да что по порядку! Занялась Димкиной ревизией, села на всякий случай все перепроверить. Прошуршала все, от и до! И тут Дима является и говорит, что у них пересчет завтра! Я два часа на это угробила! Два часа! Знала б, что завтра снова считаться будут – вообще бы к ней не прикоснулась!

– А я чуть головы у генерала не лишился... – грустно протянул Дима, появляясь откуда-то из-за моей спины.

– Дим! А что у вас вообще за история с ревизией? Вроде считались как люди. Все всё сдали, а у вас опять не слава Богу!

– Да-а... – Дима махнул рукой и мрачно закурил. – Гришунь, прости меня, честное слово! Я с тобой только поговорил, к себе вернулся, ко мне Денисыч подошел. Говорит, так, мол, и так, Дмитрий Иванович, прости, но я шестой сектор не считал совсем. Четвертый и пятый смог, а на шестой сил не хватило...

– Погоди-ка, – встрепенулась Ингрид, – а какого черта вообще Денисыча отрядили склад считать? Дим, у тебя совсем совести нету?!

– Гришенька, ну при чем тут я? Вообще-то Витек считаться должен был. Думаю, это его рук дело.

Мы припомнили – точно, была смена Виктора. Но все равно не понятно, как ему-то в голову такая мысль пришла.

Денисычу было хорошо за шестьдесят. Устроился он кладовщиком, да еще на склад замороженной продукции, по счастливой случайности. Просто срочно нужен был человек, а тут он как раз подвернулся. Сотрудники испытывали к нему уважение, человек в таком возрасте устроился на такую тяжелую, в общем-то, работу. Ситуация у него была сложная, его жена на пенсии, старшая дочь уехала жить за Урал, и к сожалению о родителях вспоминала только по праздникам. Звонила и поздравляла.

Была еще младшая дочь – поздний ребенок, любимый, но

очень несчастный. В семнадцать лет она втрескалась в некоего парнишку – любителя девушек, пива и резвых покатушек по ночному городу. На девушке он безропотно женился, как только стало известно, что она в положении, что совсем не мешало ему вести практически прежний образ жизни. Ребенку исполнилось пять месяцев, когда очередная его ночная эскапада закончилась для него трагически и навсегда.

Он ушел, по-глупому оборвав свою не слишком хорошую жизнь, прихватив за компанию случайную женщину, которая, по злему стечению обстоятельств, решила перейти дорогу в тот самый час...

Услышав страшную новость, молодая жена слегла с нервным срывом, от которого так и не оправилась. В попытках утопить свое горе в алкоголе, она случайно утопила там и жизнь, натолкнувшись на подделку, которую ей продали ночью из-под полы в обход закона.

И Денисыч устроился на работу, чтобы хоть как-то не дать погибнуть с голоду своей несчастливой семье. Его уважали и ему сочувствовали. Обычно ему старались давать бумажную работу, которой на складе тоже немало. Тем более, что подорванное невзгодами здоровье пожилого мужчины в принципе внушало опасение, а вот ясность ума у него была редкостная. Ради работы в пенсионном возрасте компьютер освоил человек, да еще как освоил! В холодильник, где температура зимой и летом минус восемнадцать, его старались не отправлять, только в случае крайней необходимости. Поэтому

такой, можно сказать, жестокий поступок Вити вызвал у нас просто бурю эмоций.

Дима переждал, пока мы с Ингрид выскажемся по этому поводу.

– Я и сам не понял, почему он так. Тем более что считать он сам должен был, его смена, и вообще... У нас же по правилам завсклада всегда ревизию сами считают. Звонил я этому гаденышу уже несколько раз – трубку не берет. Вообще, на работе уже фиг знает сколько не появляется. Может и болеет, конечно, но хоть отзвониться-то мог! Совсем оборзел! Ничего, я из него это вытрясу. И по башке ему за такое настучу, – Дима сжал могучий красный кулак. – Денисыча спрашивал, почему так вышло – не колетса. Говорит, больше некому было. Только твердит, прости Дмитрий Иванович, да прости. Я от него чуть не заплакал сам. А Генерал был злой как черт. Совещание это ни к селу, ни к городу. Узнают о пересчете – скандал будет. У меня аж сердце не на месте.

Мы его поняли. Учредителей у нас имелось аж четыре штуки. Мадам, которая большую часть времени проводила за границей и участия в руководстве фирмой практически не принимала. Двое бизнесменов, имевших доли и в нашей фирме, и в нескольких других организациях, сфера деятельности которых вращалась вокруг поставок продуктов питания. И, наконец, четвертый учредитель.

Как раз его доля была самой большой, что-то около сорока процентов. Наша оптовая база была его единственным биз-

несом, хотя (по моему глубоко личному мнению) такой человек, как он, сам заработать денег не мог. По крайней мере, мне не приходило в голову, как это вообще возможно.

Насколько я смогла разобраться, те двое очень старались свести участие этого третьего в делах фирмы к минимуму, ограниченному финансированием. Но это удавалось им плохо. Дело все в том, что тип этот отличался совершенно необузданным взрывным темпераментом и отсутствием какого бы то ни было воспитания. Как при таких данных он умудрился сколотить капитал, для меня оставалось непостижимой тайной.

Так вот он, со своей вспыльчивостью, был скор на расправу. Если он, не дай Боже, будет не в духе и начнет разбираться во всей истории, Денисыча, как пить дать, уволит. А может и Виктора заодно. Что в принципе не так уж и печально – Витю у нас никто не любил. Но и не так уж реально – именно этому взбалмошному учредителю Витя приходился, хоть и дальним, но родственником. Собственно, поэтому он и позволял себе много чего такого, за что остальным, мягко говоря, не поздоровилось бы. А уж если дело доходило до поиска виноватых, то ими, конечно же, всегда оказывались другие.

Мы еще попереживали на эту тему, пожелали Диме ни пуха, ни пера и попросили держать нас в курсе. Мрачный и злой Дима удалился в сторону своего склада.

А через час и в самом деле вспыхнул потрясающий скан-

дал. Бушевал тот самый учредитель, которого Денисыч, а за ним и другие сотрудники, за глаза называли «Поротя», по ассоциации с одним старым советским мультфильмом.

Для всех лиц, которых скандал не касался лично, начальственный гнев представлял собой довольно забавное зрелище. Поротя не мог усидеть на месте от таких новостей. Он выскочил из конференц-зала и носился по всей административной части. Кричал что-то насчет того, что здесь творится произвол, что он этого не потерпит, что научит нас работать. Самое плохое, что он всегда добавлял, что «Виновные будут наказаны», и иногда, довольно часто, и в самом деле штрафовал немилосердно, а то и вовсе увольнял. Причем, как говорится, «без суда и следствия». Если человек попадал ему под горячую руку, шансов у него было мало. Достучаться до разума «Пороти» в момент кризиса возможности не было, а когда кризис миновал, то ответ был один – «решение уже принято». Ибо признавать свои ошибки по его глубокому разумению означало бы – подорвать свой начальственный авторитет.

Был у нас даже как-то случай, когда двое сотрудников что-то не поделили, и один на другого «настучал». Уволен тот другой был буквально сразу. Но, когда остальные сотрудники узнали о таком гадком поступке, на «стукача» началась настоящая травля. У него постоянно терялись документы, ему забывали говорить о важных и срочных звонках, у него начал «глючить» компьютер, а у программистов как раз не

было времени, чтобы им заняться. И уж конечно с ним перестали общаться. Беседы смолкали, когда он входил в комнату, зато в спину частенько летели едкие словечки. Он не выдержал и двух недель. Пошел к Пороте, попытался объяснить, что к чему, но был просто уволен следом. О том, чтобы вернуть первого, которого уволили несправедливо – даже мысли не возникло.

В общем, нрав у нашего соучредителя был тот еще...

У остальных двоих характеры были намного спокойнее. Но они взирали на все выверты их партнера философски, кому как не им было знать о его темпераменте. Если уж не получалось отстранить его от очередного собрания, то ему позволялось практически все. А потом, задним числом, устранялись последствия. В общем, все были довольны тем, что они посещают наш филиал не чаще трех-четырех раз в год.

Я во время бури была спокойна. Меня скандал касался с чисто технической точки зрения – ведь это мне предстояло приготовить новую таблицу для подсчета товара, сделать отчет по остаткам и т.п. Я даже начала все это делать потихоньку, ведь и так ясно, что пересчет будет, чего себя задерживать?

А вот Диму мне было откровенно жаль. Досталось ему по первое число. Его вызвали на совещание руководства и устроили первостатейную выволочку. Он грудью защищал Денисыча, и (уникальный случай!), того не уволили. Но Диме это стоило выговора и нешуточного штрафа. То, что он

то, в общем-то, и ни при чем – особой роли не играло. Попал под раздачу, что называется. Не уволили его только потому, что тогда возникла бы напряженка с кадрами. Завсклада он был хороший, и четырех своих замов – Виктора, Игоря, Сергея и Пашу, обычно держал в строгости. Работали они по-сменному, а Дима – в пятидневку. Виктор на связь не выходил упорно, и, если уволить сразу Диму, то останется только трое вместо пятерых. Виктора же Поротя увольнять не пожелал, на что мы все в тайне надеялись, ограничился заочным выговором. И штрафом.

В общем, Дима вышел из конференц-зала, где традиционно происходили подобные мероприятия, красный, как рак, с глубокими тенями под глазами, но несломленный и с победным блеском во взоре.

Он тут же ушел на эстакаду, курить. Я пошла за ним, узнать, что к чему, со мной потянулась Ингрид, еще несколько человек из нашего отдела. Еще парочка присоединилась по дороге. К тому моменту, когда Дима поднес огонек к зажигалке, его обступило плотное кольцо сочувствующих и любопытных.

Дима обвел взглядом вопрошающие лица, изобразил картинную паузу, во время которой пару раз с чувством затаился, отрешенно глядя вдаль, и, наконец, изрек:

– Ну, более-менее обошлось!

Тут же посыпались вопросы, как все прошло, и что было, Дима охотно отвечал. Сказал, что Денисыча он отстоял, про

штраф промолчал. Но я и сама догадалась.

– Много с тебя снимут-то? – спросила тихонько.

– Пятьдесят процентов, – безразлично ответил он.

– Ничего себе!

Дима пожал плечами и наклонился поближе ко мне. Сказал, едва шевеля губами, чтобы кроме меня никто не понял:

– Ты думаешь, я их на пересортице не отоблю, что ли? – и хитро-хитро подмигнул.

– Что он сказал? – Ингрид подалась к нам, чтобы лучше расслышать.

– Да ничего, – отмахнулась я, – выразил наше общее мнение по данному вопросу.

– А-а-а, – протянула она и подозрительно посмотрела на нас, но спрашивать больше не стала.

– Кстати, Снеж, – снова обратился ко мне Дима, – нужно будет подготовить док...

– Дим, все уже почти готово, – ответила я, не дав ему договорить, – не первый год здесь работаю! Может, подзадержусь и доделаю сегодня.

– Не может, а точно, – грустно вздохнул Дима. – Считаю сегодня в ночь!

– Ничего себе! – подал голос один из работников «холодильника».

– Ну, вот так... – протянул Дима, разводя руками. Обернулся, и увидел у себя за спиной Денисыча. Вид у того был такой несчастный, что у меня просто сердце сжалось.

– Ничего, Денисыч! – Дима положил руку ему на плечо. – Все будет нормально! Прорвемся! – И они направились в сторону своего склада, продолжая о чем-то беседовать.

На следующее утро наша фирма представляла из себя еще больший хаос, чем обычно. Спонтанную инвентаризацию начали поздно и за ночь закончить не успели, а с утра начались отгрузки. При этом товар из «холодильника» тоже отпускали, поэтому в результаты подсчета все время добавлялись изменения. Дима ходил всклокоченный и злой, поехать домой в эту ночь ему так и не удалось, ограничился тем, что покемарил пару часов на составленных стульях. В прошлой инвентаризации он участия не принимал – в силу семейных обстоятельств, и итогом такого подсчета явилось во-первых – халатное пренебрежение Виктором своими обязанностями, а во-вторых – полная белиберда в результатах. Поэтому при повторном пересчете Дима проверял в прямом смысле слова каждую запятую. Это существенно увеличивало потраченное время, а после начала отгрузки еще и многим осложнило жизнь, но Дима был неумолим.

Я относилась к этому философски. Что зря тратить нервы, если все равно ничего не удастся изменить? Тем более что мой собственный отдел доставлял мне не меньше забот. Должность, на которой я работала, (специалист по учету товара) по названию совершенно не отличалась от должностей остальных сотрудников нашего отдела.

Всего нас было восемь человек. Вика, Маша и Оксана за-

нимались выпиской, Асель – постановкой товара на приход. Миша, длинный нескладный молоденький паренек, вечно пребывавший в своем мире, и Тонька, маленькая пампушка-егоза обрабатывали электронные заявки. Я же умела делать все перечисленное, а кроме того, занималась ревизиями, отчетами и прочими более сложными вещами. Ингрид была дана мне в помощь, и по факту являлась моей напарницей, хотя прав и обязанностей у нее все же было поменьше.

На деле же так исторически сложилось, что именно человека, сидевшего за моим столом, начальство считало как бы ответственным представителем всего отдела. То есть с недавних пор – меня. Буквально несколько месяцев назад Ульяна, работавшая там до меня, ушла в декрет и мне сообщили, что отныне я буду ее преемницей. Бывшая Ульянина помощница оставаться со мной не захотела, поэтому на нашей фирме появилась Ингрид. Назначили меня совсем недавно, а проработала я тут до этого достаточно долго, поэтому кое-то все еще страдал и мучился от зависти и терзался вопросом «А почему ее назначили начальником, а не меня?».

К одиннадцати часам утра на холодильном складе остались необсчитанными только пятый и шестой сектора, те самые из-за которых и разгорелся весь сыр-бор. Чувствуя, что крыша уже едет, а день еще только начался, я смылась с рабочего места, налила себе кофе и вышла подышать на эстакаду.

Через несколько минут ко мне присоединилась мрачная

Ингрид.

—
Что такая невеселая? – поинтересовалась я.

—
Да девчонки переругались в отделе. Кому-то надо сходить в холодильник, отнести свежие документы. А они все решить не могут, кому же идти. Пальцами друг в друга тычут и кричат: «Сегодня не моя очередь»! Как будто их на край света посылают!

Вслед за ее словами открылась дверь, оттуда нервным шагом вылетела Маша Коробицина и быстро направилась к холодильному складу.

— Ну вот, нашли козла отпущения, – едко прокомментировала Ингрид. – Гм... Точнее, козу...

—
Не понимаю, почему они так не любят туда ходить? – пожалала плечами я. – На другие склады их просто посылают опасно, застрянут на тысячу лет, а как речь о холодильнике заходит, так все под стол прячутся...

—
Да просто на остальных складах потрепаться можно, – выразила Ингрид свое мнение, – посплетничать и глазки построить. А в холодильнике работают суровые мужчины, им не до болтовни. Ну, про Диму я не говорю... Они там в своей вечной мерзлоте думают только о том, как бы поскорее товар собрать и при этом не напутать.

–

Может, ты и права, – согласилась я. Ребята в холодильнике и в самом деле были суровыми и с довольно специфическим чувством юмора. Например, на входной двери непосредственно в холодильник была приколата бумажка с надписью: «Заходи – не бойся, выходи – не плачь!».

Мы еще немного постояли молча, Ингрид докуривала, а я допивала кофе. Я жмурилась под яркими, хоть и холодными лучами февральского солнца и думала, как же я все-таки отличаюсь от окружающих меня девчонок! Пожалуй, только Ингрид, может быть, отчасти понимает меня. Ведь еще недавно, совсем недавно я была просто-напросто другим человеком. Человеком, которому и в голову не пришло бы, что на склад можно пойти не только по делам, но и для того, чтобы построить глазки работающим там парням... Да и сейчас я все еще не привыкла, что на меня обращают внимание, проявляют ко мне интерес, и связан он отнюдь не с рабочими моментами... Мы уже повернулись, чтобы уйти, когда услышали за спиной быстрые шаги и странные вскрипы.

Я обернулась на звук и мне на шею тут же кинулась Маша и разревелась во всю глотку.

–

Маша! – испугалась я. – Маша, что случилось?!

Маша редела, мотала головой и упорно не говорила, что же произошло. Наверно, что-то из ряда вон, раз Маша сама ко мне обниматься полезла. Она вцепилась в меня мертвой

хваткой и продолжала голосить, издавая нечленораздельные звуки. Вокруг потихоньку собиралась толпа. Я пыталась отодраться от себя Машу и выяснить, что стряслось.

—

Да прекрати же ты реветь, наконец! — вдруг рявкнула Ингрид, да так, что я и еще несколько человек вздрогнули. Я уже открыла, было, рот, чтобы возмутиться и сказать, что так нельзя, но неожиданно поняла, что Маша и в самом деле реветь прекратила.

Она, по-прежнему прижимаясь ко мне, как к последней надежде, подняла полный ужаса взгляд, всхлипнула и произнесла:

—

Там... Там Виктора ... нашли... В холодильнике... Мертвого... — и она снова безутешно заплакала.

Восемь месяцев назад, в июне...

Его переезд стал для меня одновременно и проклятием и подарком судьбы. Мне хватило одного его взгляда, брошенного на меня, одного слова, сказанного мне, одной улыбки, осветившей его лицо, чтобы мое сердце вздрогнуло, потом замерло, а потом бешено заколотилось. Фотограф был привлекателен, сексуален просто до неприличия. На его порочные губы невозможно было не смотреть. Его сильными руками невозможно было не любоваться.

Мало того, он общался так непринужденно, так жизнерадостно, с такой непередаваемой легкостью, о которой я никогда не могла даже и мечтать. Он был полностью, на двести процентов уверен в себе, и поэтому открыт и расположен ко всему миру.

То есть, он был прямо-таки квинтэссенцией того самого типа «плохих парней», к которым меня влекло как магнитом.

Расставшись с ним, я отправилась по своим делам, полностью погруженная во впечатления от нашей недолгой встречи. Перед глазами снова и снова вставал его сияющий белозубой улыбкой образ, его чуть прищуренные глаза, его гибкая и сильная фигура... я старательно отмахивалась от этого, напоминала себе, что такие небожители не для меня, что таким, как я все, о чем можно мечтать – это любоваться, но, увы, не трогать руками.

И я почти себя в этом убедила. И даже спокойно легла спать в тот вечер.

Но вот следующую ночь мне спать уже не довелось. Как оказалось, фотографу вполне хватило суток, чтобы как-то обустроиться на новом месте. Потому, что следующей ночью к нему уже пришли гости.

Точнее – гостья.

О, та ночь наверняка останется у меня в памяти на всю жизнь. Потому, что именно той ночью выяснилось, что комната, в которой спит фотограф, находится как раз за моей

стеной. И что стена эта, оказывается, на редкость тонкая. Удивительно, сколько себя помню, я ни разу не слышала ни намёка на какую-либо жизнедеятельность из-за стены от наших прежних соседей.

Фотограф же на вторую ночь своего пребывания, хоть и невольно, но напрочь лишил меня сна.

Эта его девушка стонала так сладко, так чувственно, с таким непередаваемым наслаждением, что игнорировать эти звуки не было никакой возможности.

Поначалу я постаралась сделать вид, что ничего такого, что меня это совсем не волнует. Что мысли о том, чем там занимается этот длинноволосый красавец со своей гостьей, вовсе даже и не терроризируют мою голову. Но, черт побери, именно об этом я и думала.

Я хотела было постучать им в стенку, дабы намекнуть, что можно бы вести себя и потише, но отдернула руку. Я лежала в темной комнате и вслушивалась, впитывала эти звуки всем своим существом, не в силах оторваться. Я представляла себе картины их страсти, и в звуковом сопровождении это было почти подглядыванием.

И когда они, наконец-то, накувыркались и затихли, наверное, уснули в объятиях друг друга, я продолжала лежать и грезить с открытыми глазами, снова и снова переживая их страсть.

Я не могу сказать точно, в какой именно момент мой интерес к Фотографу перерос, сначала в слишком сильное любо-

пытство, потом в увлечение, а потом, очень быстро, во влюбленность. Причем влюбленность совершенно необузданную, горячую, напоминавшую лихорадку. Впервые в жизни я поняла, что это такое – потерять голову. Все мое существование как-то незаметно сконцентрировалось вокруг него. Я караулила его у окна, я подстраивала наши встречи на лестничной клетке, я разглядывала в глазок его девушек. А их было много, так много! Девушки приходили на фотосессию, а в придачу к фотографиям получали еще и шикарный бонус – его тело.

Фотограф жил легко, непередаваемо легко. Никому ничего не обещал, никого ни к чему не принуждал, и почти всегда получал то, чего хотел. И, черт побери, я не осуждала его за это!

Я ему завидовала. Он жил, жил по-настоящему, делая то, что ему нравится, и при этом, как мне казалось, никому не причиняя зла. Господи, по сравнению с ним моя жизнь – это пустая комната в заброшенном доме! В ней нет ничего настоящего, ни людей, ни событий, ни желаний... взбалмошные будни на работе, которая мне даже не нравится... Точнее, не было. Потому, что теперь там поселилась одна, но пламенная страсть – Фотограф.

В очередной раз, лежа без сна жаркой летней ночью, ворочаясь как волчок, взбудораженная шорохом, стонами, смехом и скрипом кровати за стеной, продублированными в распахнутое по теплomu времени окно, я понимала, что больше

так не выдержу. Что я не в состоянии довольствоваться этим – быть свидетелем этих страстей, зрителем, перед которым разворачивалась чужая, яркая, потрясающе интересная, насыщенная жизнь.

Не могу я быть зрителем, не могу! Я и так уже перестала и есть и спать, и думать о чем-либо, кроме того, что там, за стеной – он. Он, и его мир, в который мне так сильно, до боли хочется попасть.

Я вскочила с постели, потная, взъерошенная, со сбившимся дыханием и колотящимся в ребра сердцем. Не могу я так!

Не могу, не могу!!!

Я должна, должна сделать хоть что-то, хотя бы попытаться, иначе я просто-напросто сойду с ума!

Я выскочила из комнаты, заперлась с ванной и принялась полоскать лицо в холодной воде, надеясь хоть немного остудить этот разбушевавшийся во мне пожар. Мне хотелось плакать и кричать при одном взгляде в зеркало. Ну почему, ну за что со мной так? Господи, я ведь даже не против принять и это лицо, и это тело, в которые ты меня поместил, но зачем же, скажи на милость, ты зажег во мне этот огонь?

Ну, жила бы я себе, тихо и спокойно! Так почему же мне приходится страдать, страдать из-за чего-то, что я сама не в силах изменить?!

Зачем, зачем мне моя голова, такая светлая, так легко воспринимающая информацию, хранящая данные, зачем, если я все равно не хочу ею пользоваться?!

Зачем?... Я пару раз стукнулась лбом об змеевик, причем, второй раз очень больно. И задумалась – а, в самом деле, зачем?

Присела на край ванной, оглушенная внезапной мыслью. В конце концов, а кто сказал, что интеллектуальная красота хуже физической? И, если уж на то пошло, неужели я, человек, одаренный умением думать, и причем, щедро одаренный, не смогу ничего придумать в этой ситуации?

Я снова подставила ладони под струю холодной воды. Снова посмотрела на свое отражение в зеркале. Но уже по-другому, без ненависти, а спокойно, решительно. Внешность – это только один из факторов!

Да, именно так! Внешность – это только один из факторов, помимо нее есть еще много всего. Да и внешность, если на то пошло, тоже поддается корректировке! И я буду не я, если не придумаю, как сделать так, чтобы он, Фотограф, обратил на меня внимание!

Я вытерла лицо полотенцем, вдыхая нежный запах розы и лаванды. Интересно, как мама добивается этого запаха для полотенца и постельного белья?

Я оперлась на край раковины и пристально всмотрелась в свое лицо так, словно столкнулась с ним в первый раз. Ну, здравствуйте, несуразные маленькие глазки! Ну, привет, толстые пухлые губы! А заодно здорово и бледной коже, и тусклым волосам. И что же мне со всеми вами делать?...

Я вернулась в комнату. Стояла тишина, из распахнутых

окон не доносилось ни звука. Похоже, фотограф и очередная его нимфа намаялись, утомились, устали ублажать друг друга... Я постояла немного, прислушиваясь, но так и не уловила ни звука.

Тогда я уселась за стол, включила лампу, достала из ящика тонкую зеленую тетрадку в клеточку, сохранившуюся еще со школьных лет. На первых двух страничках были какие-то несуразные стишки, которые я безжалостно вырвала, чтобы не отвлекали. А потом принялась составлять план действий, причем начала с конца. Первая запись выглядела так:

«Чего я хочу? – Стать любовницей Фотографа.

Как этого достичь? – Стать такой женщиной, которая сможет его заинтересовать.

Как это сделать?...»

Утром, когда на небе уже вовсю сияло солнце, я сидела на подоконнике, обессиленная, и курила, очень надеясь, что в такую рань мама не учует, что я смолю прямо в комнате. Курить она мне в принципе никогда не запрещала, но настаивала, чтобы я это на балконе подъезда, где, по молчаливому соглашению жильцов, была оборудована курилка. Но сейчас у меня просто не было сил идти туда. А, кроме того, некоторое время назад в комнате фотографа опять послышалась возня. Из разговора за стеной, подслушанного через стакан, приложенный к розетке, я узнала, что его очередная краса-

вица собирается отправиться восвояси. И мне, как всегда, из болезненного любопытства, страшно хотелось увидеть, с кем же он тешился на этот раз.

Девушка выпорхнула из подъезда, и я тут же отпрянула, спряталась за тюль. И вовремя. Она обернулась и помахала рукой, лучезарно улыбаясь. Фотограф, судя по всему, тоже стоял у окна, потому, что она еще послала воздушный поцелуй и легкой походкой пошла прочь.

При мысли о том, что он стоит совсем рядом со мной, буквально в нескольких метрах, в джинсах на голое тело, или, может быть, просто в полотенце, а может и совсем без ничего, у меня перехватило дыхание.

В комнату пополз запах сигаретного дыма, и я поняла, что он делает то же, что и я несколько минут назад – курит у открытого окна. Черт, чтобы я отдала, чтобы оказаться тогда рядом с ним!

Я вздохнула и тихонько, на цыпочках отошла от окна. Поймала свое отражение в оконном стекле и вздохнула еще раз, намного печальнее, невольно сравнивая себя с той феей, которая только что упорхнула от него.

Она – легкая, тоненькая, высокая, с копной длиннющих черных волос и нежным овалом лица. Стильно одетая, в боножках на высоком каблучке... М-да. У меня такой обуви сроду не водилось... Эдакая газель с аппетитной попкой, обтянутой джинсами.

Я легла в постель, укрылась простыней. Ладно, пусть так.

Пускай сейчас она фея, а я, мягко говоря, совсем наоборот. Пускай. Я все равно своего добьюсь! В конце концов, у меня мама профессор, папа доцент, и сама я далеко не дурочка. Головой пользоваться умею. Раз уж я от природы не задалась, значит, буду творить себя сама!

Я все равно своего добьюсь! Я получу Фотографа, я буду с ним. Я сделаю так, чтобы он сам этого захотел. Или повешусь, к чертям собачьим!

Я закрыла глаза. Неожиданно мне стало спокойно. Все словно встало на свои места. Я превратила свою неутоленную страсть в задачу, которую необходимо решить. А решать задачи, даже самые сложные, я всегда умела... и эту решу, вот так!

Я своего добьюсь!

Запись в красной тетрадке.

«Денчик!»

Вот прошел почти месяц с тех пор, как я влюбилась в С. Так зовут этого фотографа. Весь этот месяц я просто схожу по нему с ума! Я все никак не могу набраться смелости и договориться с ним на фотосессию. К нему ходит столько девчонок, и я так боюсь, что стану просто одной из них! А я хочу быть для него больше, чем просто очередной подружкой на ночь! Я хочу стать для него всем! А он должен быть моим, и только моим!

Эти его девки меня бесят! Они висят на нем, они липнут к нему. А он должен быть моим! Ведь я ничем не хуже! Я тоже красивая, и если бы захотела, то давно бы уже оказалась в его постели! Но...

Знаешь, мой дорогой, с тобой я могу быть откровенной, я просто не могу решиться. Когда я вижу его, у меня внутри все замирает, и я тупею и двух слов связать не могу! Мне удалось пару раз поговорить с ним, и оба раза это был такой позор! Я мычала что-то, и в голове вообще ни одной мысли не было. Он, наверное, решил, что я просто дуручка... но ничего, я еще дождусь своего шанса!

Мне надо просто успокоиться и взять себя в руки. Чтобы в следующий раз уже я задавала тон нашему разговору. Мне надо заинтересовать его, и пока что я ломаю голову над тем, как это сделать.

Кстати, тут такой приколы! Похоже, эта дура, Страховидла, тоже по нему сохнет. Я недавно заметила, что она стала сама не своя. На работе заливает часто, забывает о чем ее просили, все о чем-то думает... Но дело не в этом. Я видела, как она покупала себе обруч, хула-хуп, и гантели. Она меня не заметила тогда, и я вовремя спряталась, чтобы она не видела, как я ржу над ней. Вот дура-то! Ее фигуре в принципе ничто не поможет, а даже если и поможет, то все равно, с такой рожей можно только вешаться! О том, что ей скоро тридцать, я вообще молчу! Ну или почти тридцать, неважно, главное, что поздно уже за голову

браться.

Я видела, как Страховидла подглядывает за ним из окна, когда он вел к себе очередную девку «на фотосессию». Мне тогда так хотелось выцарапать этой твари глаза, что внутри все аж кипело. Но потом я увидела, как эта уродка за ними подглядывает, и мне прямо легче стало, почти что весело. Неужели она себя реально в зеркале ни разу не видела?

Ну да ладно, хрен с ней. Ден, милый, я молюсь, чтобы судьба дала мне новый шанс, новую встречу с С. И очень надеюсь, что в этот раз не растеряюсь и сумею заинтересовать его!

Вик меня подбешивает последнее время. Почему-то он решил, что у него есть на меня какие-то права. Господи, да я поцеловалась с ним пару раз, можно сказать, из жалости. Кто ж ему еще-то даст, придурку этому? Ну и для нашего дела это в принципе не вредно, у него, в случае чего, меньше будет желания соскочить с темы. А то, как бы он там меня ни убеждал, в чем бы ни клялся, а все-таки гнилой он, и ждать от него можно всего, чего угодно.

Фу, думать о нем не хочу. Нудит и нудит последнее время, что я себе кого-то нашла. Я ему уже намекнула пару раз, что это не его собачье дело, так он бесится. Кретин, да он с С. и рядом не стоял! И если бы не бабки, которые мы с ним так замечательно делаем, то хрен бы я ему дала хотя бы за руку себя поддержать!

Настоящее время (февраль).

—

Я с ума сойду! – всхлипывала Маша, судорожно лоя ртом воздух. – Он мне теперь снится будет! Я больше на эту работу в жизни не приду!

Она сидела на своем рабочем месте, положив локти на стол, а на них голову. В нашем отделе, если не считать горестных Машиных причитаний, царила тишина. Настроение у всех было подавленное.

Виктора нашли три часа назад. Приехала полиция, следователь. Выписку товара запретили и отгрузку приостановили, из «холодильника» всех выгнали. Но, естественно, никому не разрешалось уйти домой. Почти пятьдесят человек слонялось по территории, не зная чем себя занять и на все лады обсуждая шокирующую новость. При мысли о том, что нас всех отпустят не раньше, чем опросят, мне становилось нехорошо.

Асель, наша специалистка по постановке товара на учет, позвонила своему мужу, предупредила его, что задержится. Они немножко поворковали, и она закончила разговор, нежно произнеся:

—

И я тебя люблю! Целую!

—

Нашла время для нежностей! – возмутилась Вика. Она пожала плечами:

–

Я просто предупредила своего любимого человека о том, что здесь происходит, и что я буду, скорее всего, поздно. Просто для того, чтобы он не волновался. А то, что я ему говорю, что люблю его – так это вообще ничьих ушей не касается! – последовал холодный ответ.

–

И все равно, – настаивала Вика, – бывают ситуации, когда это просто неуместно!

Асель, это наглядное воплощение покоя, на едкую реплику просто не отреагировала. Эта женщина всегда мне нравилась. У нее красивое и безмятежное лицо с тонкой светлой кожей, усеянной трогательными нежными веснушками, и глаза-черешни. И такой же безмятежный характер. Я иногда ловлю себя на том, что когда сильно нервничаю, мне хочется с ней поговорить, как бы напитаться этим ее покоем. Не то, чтобы она равнодушна ко всему, нет, но воспринимает она все с некоторой долей отстраненности. Словно где-то за этими стенами есть ее настоящая жизнь, а все, что происходит здесь – просто мираж. И именно поэтому она кажется невероятно надежной, как бухта, в которой так хорошо укрыться в шторм, спасаясь от офисных катаклизмов.

–

Это хорошо, когда есть с кем поделиться, пусть даже и та-

кими новостями, – вздохнула Ингрид. Я кивнула, и с любопытством посмотрела на нее.

Вообще она редко принимала участие в любых разговорах, которые не касались работы. Я давно поняла, что она очень замкнутый человек. Она не искала возможности завести себе друзей, а если кто пытался сойтись с ней, то она все равно мягко переводила все в русло чисто рабочих отношений. Она ни с кем не делилась своими переживаниями, не обсуждала личную жизнь. Я даже не знала, живет ли она одна или с кем-то.

Я не раз задумывалась, почему такая неглупая девушка предпочитает одиночество, почему так запирается в себе? Наверное, отчасти ее замкнутость можно объяснить внешностью. Точнее, отсутствием таковой. Конечно, до моей былой «красоты» ей далеко, и все же ее никак нельзя было назвать привлекательной. Простецкое до невозможности лицо, которое она неумело пыталась подправить макияжем, всегда одним и тем же – очень темные тени, бледная помада и немного румян. Такая же плотная как у меня, фигура с мощной, отнюдь не девичьей костью. Но, по-моему, для нее хуже всего было совсем не это. Хуже всего было совершенно умопомрачительное сочетание фамилии, имени и отчества – Карпухина Ингрид Николаевна! С первых минут нашего с ней знакомства у меня не укладывалось в голове, чем руководствовались родители, когда так портили жизнь своему ребенку?! Назвали бы Машкой – и, может, была бы вполне

довольная жизнью девчонка. Нет же, надо было выпендриться, скреативить...

Я была уверена, что если бы не это имя, красивое само по себе, но невысказанное в сочетании с такой фамилией, Ингрид была бы более общительной.

Я, поставив крест на своей привлекательности, приняла позицию третьего пола, «неведома зверушка», зато общительная и доброжелательная, открытая, хоть и до определенной степени, практически для каждого. Ингрид избрала для себя другой путь – серьезного официоза.

Она, в отличие от меня, предпочитала строгие деловые костюмы черного или серого цвета, без отличительных особенностей, удивительным образом делавшие ее незаметной. И минимум общения вне рабочих тем – все, что не касалось выполнения трудовых обязанностей либо отменялось, либо игнорировалось ею.

Зато в плане работы Ингрид просто цены не было. Она быстро понимала, что от нее хотят, делала все четко, точно и аккуратно. Мне часто казалось, что если бы она только захотела, то вполне могла бы найти себе гораздо более интересную и оплачиваемую работу. И что на нашей фирме она, как и я, прячется от мира вместо того, чтобы наслаждаться жизнью.

Мне Ингрид очень помогала. И к тому же, может из соображений субординации, а может из каких других, но со мной она держала менее короткую дистанцию. Не дружественную,

нет, скорее партнерскую. Она как бы стояла со мной плечом к плечу в перипетиях нашей оптушной жизни...

Маша снова всхлипнула, причем очень жалостно, и этот печальный звук вырвал меня из размышлений о коллегах. Ей не повезло, Виктора нашли буквально на ее глазах.

Она пришла с документами в теплую пристройку к морозильному складу, выполнявшую роль кабинета. Обычно там находился кто-нибудь из заведующих, но в этот раз в помещении оказалось пусто. Исправления, которые она принесла, были «горячими», то есть срочными. Маша проявила неожиданную решительность. Она не оставила документы просто на столе, понимая, что заглянуть туда могут еще не скоро, а то и вовсе не заметят свежие бумаги в ворохе других. Поэтому Маша мужественно надела один из висевших тут же пуховиков и решительно пошла в «холодильник».

Помещение это на самом деле представляет собой отдельный огромный ангар, специально отстроенный для хранения замороженной продукции. Внутри тянутся бесконечные ряды с товаром, разбитые на сектора. Маша побегала вдоль рядов, но сначала никого не нашла. Она быстро замерзла, хоть и в пуховике, и совсем уж было решила выйти и дождаться кого-нибудь снаружи, когда вдруг услышала шум, доносящийся из дальнего угла шестого сектора. Мужские возгласы,

приглушенные сухим морозным воздухом, намекали на то, что люди чем-то удивлены и даже потрясены. Маше, естественно, стало интересно, чего это они все там столпились, и она направилась туда.

Она подошла как раз в тот момент, когда один из грузчиков отодвинул в сторону две составленные друг на друга коробки. За коробками, скрюченный в неестественной позе, прижатый к стене, иссиня-бледный и покрытый изморозью находился Виктор.

Сначала Маша не поняла, что же она собственно видит, настолько жуткая и противоестественная картина перед ней открылась. Зато когда до нее в полной мере дошло, бедняжка громко заорала от страха, перепугав тем самым мужиков, которые не заметили, как она подошла, и бегом ринулась из холодильника, на ходу стаскивая пуховик.

А потом она долго редела у меня в объятиях, по неизвестным науке причинам. То есть понятно, почему редела, не понятно, почему именно у меня на груди. В конце концов, ее напоили валерьянкой и отвели на рабочее место. Там она и пребывала до сих пор, уронив голову на руки и не меняя позы.

Конечно, жутко увидеть такое, но не думала, что она настолько впечатлительная. Мне было ее жаль. Ее подружки сидели за соседним столом и шушукались, почти не обращая на нее внимания.

Вика Волгина, Маша Коробицина и Оксана Сланцева –

эти три девушки дружили между собой, и представляли из себя эдакую троицу гламурных девиц. Золотисто-розово-карамельное трио, озабоченное своим внешним видом до неприличия, почитающее главными идолами косметику и тряпки. В отличие от подавляющего большинства сотрудников, эти дамочки были свято убеждены, что наш офис – это подиум. Правда выглядели они, надо отдать им должное, и в самом деле шикарно. Пожалуй, по показателю внешности лишь Алена, молоденькая заведующая колбасным складом, могла с легкостью переплюнуть любую из них. Правда, Алена внешность – это дар Божий, она и в ватнике выглядела как ангел, в отличие от девчонок, которые свою красоту создавали сами.

Вика Волгина всегда была убеждена, что она красивее, умнее и вообще, во всем лучше всех на свете. У нее лицо аристократки, и когда она помнит об этом, то старается вести себя и двигаться соответственно, выжимая из своего породистого облика все, что возможно. Только, увы, темперамент часто берет в ней верх над стремлением казаться возвышенной и отстраненной.

Расположение ко мне со стороны начальства ею расценивается как результат моего подхалимства и наглости. Она не упускает случая наябедничать, поязвить или высмеять, еще с тех пор как я была прежней. А моя «перезагрузка» и вовсе встала ей костью в горле, и именно с ее стороны я услышала целую кучу гадостей, дескать, как свинью не ряди, она сви-

ншей и останется... На мое счастье, к тому моменту я успела услышать достаточно комплиментов и слов искреннего восхищения, иначе бы точно впала бы в депрессию. От нее я всегда жду удара в спину.

Маша Коробицина, имеет гораздо более мягкий характер, только вот ее подружки постоянно тянут ее за собой. Мне вообще кажется, что если бы они не дружили, Маша была бы совсем другой. Она очень подвержена чужому влиянию, и мнение ее подруг играет для нее огромную роль. Внешне Маша очень хорошенькая – нежные пепельные кудри обрамляют лицо со светлой, но не бледной кожей, играющей на щеках очаровательным румянцем. Глазищи голубые огромные, носик аккуратный, губки бантиком, ресницы длиннющие черные (накладные, ясное дело, но разве это имеет значение?) порхают бабочками – и вся такая трогательная, беззащитная, словно олененок Бемби. На мой взгляд, так Волгиной с ее вечно надменным выражением лица, до Коробициной далеко.

Но есть у Маши одна проблема: она постоянно находится в поиске. В поиске любимого мужчины. Причем, в активном. Причем давно... Беда в том, что как только на Машином горизонте появляется очередной претендент, она обвиняется вокруг него как плющ. Не из плохих побуждений, а просто ей очень хочется любви, серьезных отношений и стабильности. Так хочется, так она по ним стасковалась, что стоит кандидату появиться в ее жизни, как она его буквально

душить начинает своими чувствами. Звонки, сообщения по телефону и в электронную почту, бесконечные «сюси-пусы» и «мур-мур-мур» обрушиваются на «счастливчика» безжалостной лавиной. Но и этого Маше мало. Ей еще нужно, совершенно необходимо слышать постоянные заверения, что чувства взаимны. Причем с гарантией. Причем с железной.

Мужчины же, понятное дело, при таком подходе довольно быстро с горизонта исчезают. Еще бы, не успели познакомиться – а тебя уже чуть ли не ЗАГС тянут! В связи с таким положением дел Маша уже успела перевстречаться едва ли не с половиной наших сотрудников мужского пола и приобрела себе не очень хорошую репутацию. Поэтому она почти постоянно находится в состоянии подавленности и депрессии. Меня она недолюбливает скорее из солидарности к подругам.

Сланцева Оксана из них, пожалуй, самая цельная и самая безжалостная. И, к тому же, самая ленивая. Она относится с презрением ко всему свету, и, мне лично кажется, что к своим подругам тоже. В принципе, она не глупая, но работать не любит напрочь. Свою работу она, по возможности, старается спихнуть на плечи подружек, причем всегда делает вид, будто так и должно быть. Кроме них она почти ни с кем не общается, наверное, считает, что это ниже ее достоинства. Зато она постоянно «сидит в телефоне». Она без конца выкладывает невероятное количество фотографий своей высокочтимой персоны, сопровождаемых подробными комментария-

ми, зачастую достаточно едкими в отношении окружающего мира.

Оксана носит короткую стрижку на темных волосах, и предпочитает макияж в стиле женщины-вампи, что как нельзя лучше подходит к ее характеру. Ленивая дочка богатых родителей, «упакованная» в лучшие шмотки и облагодетельствованная шикарным авто, она все никак не может простить последним, что ее «выперли» на работу, заставив хоть как-то заботиться о себе. Хотя подозреваю, что свою зарплату она тратит на разные прихоти, продолжая плотно паразитировать на родительских шеях.

Всех троих я как-то раз за глаза сгоряча назвала «стервочками». Объединенное прозвище оказалось настолько удачным, что тут же приклеилось к ним намертво. Девчонок с тех пор так и называли, причем и не только за глаза. Понятное дело, что нашлись «добрые люди», просветившие, кому девушки обязаны таким милым обращением. Любви ко мне с их стороны это, ясное дело, отнюдь не добавило, но я не очень-то переживала по этому поводу. Девушки относились к той категории людей, завоевать расположение которой я никогда не стремилась.

Сейчас, глядя, насколько равнодушно Вика с Оксаной отнеслись к тому, как переживает их подружка, я не выдержала. В конце концов, если одна из сотрудниц моего отдела ревет в три ручья, меня это напрямую касается. А, кроме того, просто не хочу я быть ни стервой ни свиньей.

Я подошла к ней.

–

Машунь, ну давай уже, успокойся, – попросила я и погладила ее по растрепавшейся гриве волос, на ощупь оказавшихся нежными, словно руно молодого барашка. Маша только всхлипнула в ответ, протяжно, со вздохом. Вика с Оксаной покосились на меня враждебно, но даже не пошевелились.

–

Маша, давай соберись, возьми себя в руки, – я старалась, чтобы мой голос звучал ласково, спокойно, и в то же время твердо. – Прекращай плакать, а то голова болеть будет... И потом, здесь полиция, им нужно будет показания давать. А ты и сказать ничего не сможешь.

–

Я не хочу ничего говорить! – в панике пискнула Маша, не поднимая головы, – Они меня заставят вспоминать все! Я не хочу!

–

Я понимаю, что не хочешь! – я снова погладила ее по растрепанным волосам. – Никто здесь не хочет. Только нам все равно придется.

–

А я не хочу! Не буду! – Маша снова всхлипнула. – У него башка была разбита! И морда синяя! Я не хочу об этом говорить! – мне показалось, что она вот-вот снова пустится в

рев. Надо было что-то с этим делать!

—

Машунь, успокойся! – я уговаривала ее как маленького ребенка, и не очень понимала, что мне делать. Машка меня никогда не любила, думаю, ей не особо приятно, что я к ней пристаю. А эти ее чертовы подружки даже не почесались, чтобы ей помочь!

—

Маш, я понимаю, что ты не хочешь говорить с полицией. Я понимаю, что ты боишься. Но и ты тоже пойми – Витю ведь убили! – при этих словах Машины плечи опасно дернулись, и я быстро продолжила. – Это просто ужасно! Но ты ведь хочешь, чтобы убийцу поймали? – Маша подумала и кивнула, неэстетично хрюкнув в рукав. – Вот! А для этого надо, чтобы мы все рассказали все, что знаем. Даже если нам кажется, что мы ничего не знаем. Поэтому сейчас нужно собраться и сосредоточиться. И потом, пока нас всех не опросят, отсюда никого не отпустят. А если ты откажешься разговаривать, то еще могут подумать, а вдруг ты что-то такое знаешь...

Последний довод на Машу подействовал, я даже договорить не успела. Она подняла лицо, и я снова ее пожалела – лицо все было помятым и заплаканным, глазки сузились, по щекам расползлись остатки туши.

—

Ингрид, будь добра, налей, пожалуйста, кофе, – попросила я, обернувшись. Напарница молча кивнула, хоть и без осо-

бого восторга. – Машунь, пойдем, я помогу тебе умыться.

Маша неохотно встала и поплелась за мной следом в дамскую комнату. Там я уговорила ее умыться холодной водой и отговорила подкрашивать глаза тушью. Я была просто уверена, что она еще не раз заплачет, так что красить глаза было нежелательно.

Вытирая лицо бумажным полотенцем, Маша вдруг зло сказала:

–

Тебе хорошо быть доброй, Снежана! Ты такая стала... С кем ты сейчас встречаешься? С этим своим, как его... адвокатом?

–

Нотариусом... – автоматически поправила я, обескураженная ее репликой.

–

А мне даже поделиться не с кем! – с горечью добавила она. И сказала это так, будто это я виновата в том, что ей не с кем поделиться. Я на секунду даже опешила – неужели она мне завидует? Надо же, раньше мне и в голову такое не могло бы прийти!

–

Но у тебя есть твои подруги... – попыталась я ее подбодрить.

–

Много ты понимаешь! – фыркнула она. Я пожала плеча-

ми: как говорится – от добра добра не ищут...

–

Не переживай, Машунь, – ответила я невпопад, – и на твоей улице будет праздник!

Коробицина больше ничего не сказала, только посмотрела на меня исподлобья тяжелым хмурым взглядом, и мы молча вернулись в кабинет.

В кабинете пахло кофе и коньяком. Бесподобная Ингрид налила кофе всем желающим, то есть просто всем, великодушно засунув подальше свои симпатии и антипатии. Я прихлебнула из своей чашки и убедилась – там и в самом деле был коньяк.

–

Как ты сотворила это чудо? – поинтересовалась я.

–

У Галки выпросила, – усмехнулась Ингрид

, – в

обмен на обещание, что выпишу ей потом товар задним числом. Ты же знаешь, к тому моменту, когда нас выпустят, уже не до беготни по магазинам будет.

Я решила закрыть глаза на это нарушение. У Галки трое детей, не оставлять же их голодными! В конце концов, все мы люди. А Галка живет без мужа, и так крутится как белка в колесе. Где ей еще продуктов достать, как не на родной оптухе? А сейчас выписка запрещена, выпишут задним числом, ничего страшного! Тем более, я была более чем увере-

на, что Ингрид выпишет все так, что комар носа не подточит. А «дежурный» армянский коньяк у Галки всегда имелся. Я даже подозреваю, что она отдала Ингрид не последнюю бутылку...

Кофе с коньяком нас всех поддержал, особенно Машу. Вроде как она совсем успокоилась. На меня поглядывала враждебно, будто я ей гадость какую-то сделала, но я не расстраивалась на этот счет. Немного погодя она уже принялась шушукаться со своими подругами. Стервочки снова были в сборе, попивали кофе, жевали какие-то печенюшки, которыми никому не предложили поделиться, и упорно делали вид, что им нет никакого дела до всего остального мира.

Я же воспользовалась минутной передышкой и принялась размышлять об убийстве Виктора. Интересно, кому это он так насолил? Точнее, кого он сумел достать настолько сильно, что его пришили?

Ибо характер у нашего Витька был премерзкий, и особенной любовью он в принципе среди коллег не пользовался. Понятное дело, что это кто-то свой, откуда бы здесь чужаку взяться? Да и, кроме того, у нас же камеры по всей территории, и над входом в «холодильник» тоже, и внутри него... Хотя внутренние часто барахлят – не выдерживают низких температур, но вот камера над входом должна нам помочь.

Мысли перекинулись на самого Виктора. Как ни плохо в этом признаваться, а все-таки у меня в душе возникло некое чувство удовлетворения – поделом засранцу! Сплетник и

шантажист, он постоянно что-то вынюхивал, распространял всякие мерзкие слухи и провоцировал скандалы.

Внешне неказистый, тощий, плюгавенький, с вечно небритым подбородком, из которого скорбно торчали редкие светлые щетинки, он усугублял отталкивающее впечатление удивительно пакостным характером. Такое впечатление, что он мстил всему свету за собственное несовершенство. Хотя, ведь мог бы стать другим, совсем другим, кому, как не мне знать это! Но нет, Виктор выбрал путь зла и жестокости. Он обожал стравливать людей между собой, не гнушался и приврать ради того, чтобы подогреть чьи-либо эмоции, а возникающими ссорами наслаждался столь неприкрыто и самозабвенно, что тошно делалось.

Видать, там вся семейка такая, что Поротя с приветом, что Виктор с кукушкой набекрень...

Конечно, периодически нервы у людей не выдерживали, на моей памяти этому уродцу уже три раза устраивали хорошую взбучку, даже ценой увольнения, один раз даже руку ему сломали... Но, говорят, охота пуще неволи – обидчика убрали в два счета, а этот паразит зарастил свои косточки и снова принялся мотать нам нервы.

И вот доигрался...

Семь месяцев назад, в июле.

До сих пор удивляюсь, как же все-таки все сложилось в

итоге! Тогда, приняв решение во что бы то ни стало добиться Фотографа, я (и я в этом уверена!) сделала самый главный шаг, изменивший мою жизнь.

Мне стоило невероятного труда держать себя в руках, заставлять себя действовать и не раскисать от страха, клевавшего мою душу, и заставлявшего сердце сжиматься в судороге ужаса при мысли, что ничего из этого не выйдет. В такие минуты я готова была бросить все, махнуть рукой на все мечты и отказаться от попыток сделать красавицу из чудовища, которым я себя считала. Сколько слез я тогда пролила – с ведро, не меньше.

И каждый раз мне приходилось уговаривать, успокаивать, утешать себя... Я приводила себе кучу разных аргументов, но главных среди них было два:

1. Попытки сделать себя лучше вреда мне точно не принесут.
2. Если я не добьюсь своего, то просто-напросто сдохну от тоски!

Причем второй был намного сильнее и весомей первого. Стоило мне лишь на минуту представить, что Фотограф никогда не будет со мной, и у меня моментально слезы закипали на глазах. Меня гнала вперед какая-то неуправляемая страсть, зависимость, избавление от которой было только в одном – получить то, чего я так неистово желала.

И я действовала.

Начала я с того, что, как и положено, подвела под свои

действия теоретическую базу. Я принялась изучать все, что сказано и написано о красоте и сексуальности, о женской привлекательности и обаянии.

Я подошла к вопросу основательно и серьезно. Я читала статьи, различные тренинги, обдумывала, анализировала. Что-то складывала в специальную папку, что-то браковала, как ненужную, глупую или даже вредную информацию. Я вцепилась в эту новую для меня науку – науку женской привлекательности, с жадностью настоящего исследователя.

Постепенно я наметила себе несколько основных направлений деятельности и, перекрестясь, приступила к их осуществлению.

Для того чтобы подтянуть и укрепить фигуру и убрать пресловутый «спасательный круг» со своей талии, я купила себе хулахуп.

В магазине я выслушала длинную лекцию дотошного работника торгового зала, который помогал мне выбрать обруч, о том, что крутить его могут себе позволить только люди, не имеющие проблем со спиной. Он так настойчиво мне это повторял, что я даже заподозрила его в нежелании продавать мне спортивный инвентарь. Но ни искривлений, ни травм у меня нет и не было, поэтому я вцепилась в хулахуп мертвой хваткой, собственноручно дотащив его до кассы.

Прилетев из магазина домой на крыльях воодушевления, я тут же принялась бодро вращать его. Точнее, пытаться вращать, потому, что проклятый круг, описав вокруг меня

несколько оборотов, с грохотом обрушивался на пол, а я подпрыгивала, чтобы пальцы не прищемить.

Привлеченная странными звуками, в комнату заглянула мама. На ее лице отразилось недоумение, но я лишь замахала на нее руками – мол, не мешай, потом все объясню.

Я читала, что начинать тренировки с обручем надо по чуть-чуть, минуток по пять. Но, поскольку у меня тяжелый обруч все время падал, я добросовестно крутила его около полчаса, то в одну, то в другую сторону.

А на следующий день я с трудом смогла встать с постели, тело болело, ныло и не хотело мне повиноваться! Мало того, бока покрылись жуткими синяками, выглядевшими так, словно меня битой избивали!

И если бы это было просто баловства ради, то я бы тут же с радостью плюнула на это дело. Поставила бы обруч в самый дальний и темный уголок, и думать про него забыла бы. Но нет, ведь меня вперед толкала моя страсть – Фотограф. Разве ОН обрадуется, когда увидит эти валики жировые? Разве ЕМУ будет интересно любоваться на этот обвислый зад? Ведь к нему такие девочки ходят, такие штучки – закачаешься!

Поэтому, промучившись недели две, я все-таки вошла в ритм, научилась управляться с обручем и потихоньку стала замечать, что мое тело действительно подтягивается и крепнет.

Еще один, очень серьезный для меня вопрос – вопрос

питания, мне неожиданно помогла решить моя двоюродная сестра. Как-то они с моей теткой зашли к нам в гости. Мамуля со своей сестрой и моим отцом засиделись, обсуждая какие-то свои дела, Кристина с безразличным видом копалась в телефоне. Поскольку переговоры старшего поколения явно затягивались, я решила, что неплохо покормить родственницу ужином.

До этого мы не особо общались. Кристина была очень красивой девушкой, и я всегда робела перед ней, особенно остро ощущая собственную неказистость. Вот и сейчас я не знала, о чем с ней можно разговаривать, и просто молча собирала на стол. Кристина взялась мне помогать, и заодно, видимо, чтобы просто поддержать беседу, поинтересовалась:

– Я видела, у тебя хулахуп стоит. Занимаешься?

– Да, кручу потихоньку, – ответила я, доставая хлеб и батон. – Ты что будешь?

– Что? – она посмотрела на буханки в моих руках. – А, нет, спасибо! Я ем без хлеба.

– Везет тебе! – вырвалось у меня. И в самом деле, некоторое время назад я честно попыталась отказаться от мучного, и с ужасом обнаружила, что если за едой не съем пару кусков хлеба или булки, то уже через полчаса хожу голодная!

– Почему? – удивилась Кристина.

– Ну... Ты от природы такая – красивая, стройная... Наверное, можешь есть все, что захочется! Я вот пыталась без хлебушка есть, и поняла, что не могу без него...

– А, так ты считаешь, что мне все с неба упало? – усмехнулась она. – Пошли!

Кристина прошла в мою комнату, без тени смущения сняла платье, расстелила на полу плед и приказала:

– Считай!

Она принялась качать пресс, и я честно стала отсчитывать движения. Когда счет приблизился к сотне, а она даже не запыхалась, я сокрушенно признала:

– Я поняла! Оказывается, и такие феи, как ты, много работают над собой!

– Вот именно! – миролюбиво улыбнулась она и принялась одеваться.

В тот вечер мы неожиданно разговорились. Оказалось, что у моей двоюродной сестры есть большой практический опыт по части той теории, на которую я сейчас так налегала.

Впервые в жизни у нас было что-то, что было интересно обсуждать нам обоим. И если бы кто-то мне еще месяц назад сказал, что темой этого обсуждения будет красота и уход за собой, то я бы первая и не поверила!

Но теперь за моей стеной жил он, Фотограф – моя страсть, моя мечта, моя идея фикс! И поэтому вся моя жизнь стала с ног на голову. Я сама ее так поставила, и готова была еще не то сотворить, лишь бы быть с ним.

Я все так же наблюдала за ним, подглядывала за его дамочками, подслушивала их утехы и с ума сходила от невероятной смеси страсти, ревности, влечения, страха и азарта. И

я шла, терпеливо шла, шаг за шагом, к воплощению своей мечты.

Запись в красной тетрадке.

Он, как и я, само совершенство! О да, он идеален! Именно поэтому я так реагирую на него. Я просто чувствую, что он той же породы, что и я.

Дэн!

Я наконец-то решилась! Да, я решилась и договорилась с С. на фотосессию! Господи, я так счастлива! И меня всю трясет! Трясет от страха и волнения! Съёмки назначены через две недели, у него дома, точнее, в его домашней студии!

За эти две недели мне столько всего надо успеть! Я записалась к косметологу и на маникюр, и на удаление волос... О да, я хочу быть самой прекрасной, самой сексуальной для него! Ведь я знаю, чем закончатся эти съёмки! И я должна быть во всеоружии, должна быть лучше всех этих его шлюшек вместе взятых! Потому, что я хочу, чтобы он стал моим, только моим!

Думать не могу ни о чем, кроме этого! Мне страшно так, что ноги подкашиваются, и в то же время я чувствую себя такой счастливой! На работе меня даже спрашивали, не заболела ли я. С трудом удержалась, чтобы не послать куда подальше, не хрен лезть не в свое дело.

Кстати, Страховидла, видать, все никак не может успокоиться. Сильно ее зацепило, но вот в этом я ее понимаю! С. – он такой, никого не оставит равнодушным! Но я не понимаю другого – куда она лезет? Когда она наконец поймет, что не с ее рылом к такому мужчине подкатывать?

Конечно, кое-что ей удалось с собой сделать, уж и не знаю как. Но она и в самом деле похудела, подтянулась, видать, крутит свой обруч днем и ночью. Или не жрет ничего, вот дура-то... Ну, а что ей еще остается? Маникюр стала делать, а я уж думала, что она в принципе не знает что это такое! И от прыщиков на своей морде избавилась наконец-то. Интересно, что она делает с кожей, цвет лица у нее теперь офигенный... Хотя ей это все равно не поможет.

Но ладно, это все чушь и бред. Пусть занимается собой, мне-то что? Я ее всерьез не воспринимаю, и уверена, что С. до нее на самом деле дела нет. И вообще, ведь через две недели он будет моим! Я тоже не сижу сложа руки!

Но дело даже не в этом... Я много думала обо всем, что я чувствую. Обо всем, что происходит сейчас со мной. Ведь до сих пор я никого никогда не любила. Вот в меня постоянно кто-то влюбляется, это да. Но не нашлось еще того человека, который способен затронуть мое сердце. Точнее, теперь-то уже нашелся. И я понимаю, в чем тут дело!

Ведь мне столько раз говорили, что я богиня, что я – само совершенство, и так далее в том же роде. И до сих пор я не видела рядом с собой человека, достойного меня. Все, с кем

я встречалась в жизни, не были со мной одного уровня. А вот С. – совсем другое дело! Он, как и я, само совершенство! О да, он идеален! Именно поэтому я так реагирую на него. Я просто чувствую, что он той же породы, что и я. И он скоро это поймет! Теперь я знаю смысл слов: «Созданы друг для друга»! Только он один достаточно хорош для меня. И только он один меня получит.

Скоро я стану самой счастливой женщиной на земле!

Настоящее время (февраль).

Обстановка на работе на следующий день превзошла самые мрачные предчувствия. В предыдущий вечер нас продержали почти до одиннадцати, хотя опросом занимались сразу несколько человек. Не знаю, как они правильно называются, но один из них, с виду крайне неприятный тип, точно был следователем. Судя по всему, ничего интересного они с ходу не раскопали. По крайней мере, нас выпустили по домам, предупредив, что по утрам опрос свидетелей пойдет по второму кругу, но вызывать уже будут не всех подряд, а лишь тех, кого следствие посчитает нужным.

Утро началось с известия о том, что «добро» на возобновление отгрузок пока не получено, и, следовательно, работать нам пока нельзя. В результате чего народ болтался по всей территории оптухи, собираясь в кучки и обсуждая убийство на все лады. Понятное дело, что как минимум треть сотруд-

ников ощутила в себе прилив следовательского вдохновения и решила сама разобраться, что к чему. Эти люди перемещались по всей базе и устраивали своим же сотрудникам самые настоящие допросы, в том числе и друг другу. Поэтому то тут, то там вспыхивали ссоры и скандалы. Людям казалось, что их несправедливо в чем-то подозревают и обвиняют. Даже пара драк случилась. Один раз передрались зав холодильного склада и зав бакалейного. А другой раз молоденькая девочка-кладовщица с колбасного склада не выдержала и вцепилась в лицо своему же грузчику, который по неизвестным соображениям утверждал, что Виктор обделывал с ней какие-то посторонние делишки. Он, дескать, сам слышал от убиенного о том, что «на колбасе все схвачено».

Сомнений в том, что Виктора убил кто-то из сотрудников, не возникало практически ни у кого. И первыми под подозрением были, конечно же, работники холодильного склада. Основными аргументами в пользу такого соображения были следующие: во-первых, постороннего, шляющегося по холодильнику, наверняка заметили бы, во-вторых, кому как не холодильщикам лучше всего знать, куда занывать мертвое тело?

Хотя, если призадуматься, оба пункта подвергались сомнению. По холодильнику передвигались в основном в стандартных синих пуховиках с капюшонами, а в них поди разбери, что за фигура в середине болтается. Да и ни для кого не было секретом, что пятый и шестой сектора посещают-

ся реже всего, ибо именно там хранилась наиболее дорогая и наименее ходовая продукция вроде королевских креветок или клешней омара. Так что, чисто теоретически, любой человек, работающий на фирме, мог бы замаскироваться, нацепив форменный пуховик, или даже просто облачившись в похожий, пойти в сектор, где бывают раз в год по завету, и убить Витю. Руководствуясь именно этим соображением те, кому делать было больше нечего, выстраивали совершенно немыслимые умозрительные конструкции, в попытках «подогнать» убийство к какому-нибудь конкретному человеку.

В конце концов, нам запретили покидать рабочие места. Может быть, начальство надеялось таким образом предотвратить дальнейшие конфликты, а может просто надоело носиться по всей базе и искать человека, которого ждет следователь. Компьютерами нам пользоваться тоже запретили. Причем этот запрет выглядел особенно обидно и глупо, ибо распоряжение выдал зам генерального, Вадим Сергеевич, и сделал это в свойственной ему, мягко говоря, идиотской манере. Человеком он был малоприятным, лично мне он больше всего напоминал разжиревшего напыщенного свинтуса с пельменеобразными ушами. В отличие от Ар-Ю, Вадим Сергеевич особыми талантами в сфере управления персоналом отнюдь не блистал. Его основной задачей был сбор информации, самой разной, вплоть до копания в грязном белье, которую впоследствии он предоставлял в качестве отчетов. Когда-то он сам начинал на этой же оптухе кладовщиком, и

продвинулся по карьерной лестнице именно благодаря своему дару стукача.

Так вот, пользуясь крайней занятостью генерального, зам тут же с радостью сжал бразды правления в своих руках. Он дал распоряжение Эдуарду Альбертовичу, нашему системному администратору и лично проследил, чтобы тот поотключал у наших системных блоков провода питания. Бред полнейший, и логики в этом распоряжении не удавалось рассмотреть при всем желании. Системный злился прямо до белого каления, еще бы, компьютеров у нас не так уж и мало, а ему приходилось помечать каждый провод. Не говоря уже о том, что сама по себе затея являлась полнейшим абсурдом. С замом он крупно поскандалил на эту тему, но пришлось ему подчиниться. Правда, судя по злобному блеску в глазах системного администратора, я могла предположить, что Вадим Сергеевичу еще придется поплатиться за такие выкрутасы. И в самом деле, отключили бы через сервер доступ к программе выписки, народ хоть в игрушки бы резался. Все бы спокойнее сидели. А то с этими проводами дурь какая-то...

Я сидела, глядя в слепой монитор и не видя его. Перед глазами оживала недавняя сцена на эстакаде. Дима говорил тогда, что Виктор должен был считать ревизию. А вместо него считался Денисыч. Почему? И Витю нашли именно в том секторе, который Денисыч обсчитать не смог. Это точно не совпадение!

Снежана! – резкий Викин окрик заставил меня вздрогнуть.

–

Что, Вика?

–

Снежан, ты вообще то могла бы и поговорить с Вадим Сергеичем!

–

По поводу? – поинтересовалась я.

–

Пусть он нам хоть один компьютер разрешит подключить! Мы бы хоть поиграли или по инету поползали! Мы же в программу не полезем!

–

Вик, ты сама все видела. О чем вообще речь идти может?

–

Но это нечестно! Нам-то компы за что отключили? Мы в программе не такие крутые специалисты, как ты! Ничего такого не наделали бы!

–

А я, по-твоему, наделала бы? – ядовито поинтересовалась я.

–

Откуда я знаю? – Вика сделала большие невинные глаза. – Ты же у нас ас в программе!

–

Вика! – разозлилась я. – Что ты несешь?!

Вика не ответила, она смотрела мне за спину. Я обернулась и обнаружила там Вадима Сергеевича.

–

Снежана Игоревна, – произнес он холодно, – пройдите ко мне в кабинет!

Я молча поднялась и направилась за ним.

–

Снежана Игоревна, – продолжил он после того, как обстоятельно разместил в кресле свое тело, – объясните, пожалуйста, сотрудницам своего отдела, что отключение компьютеров – это необходимая мера. В настоящее время никто не должен иметь доступ к рабочей программе!

–

Я понимаю, Вадим Сергеевич, – ответила я, и с ходу неосторожно добавила: – Но для того, чтобы лишить людей доступа к базе выписки, достаточно было бы отключить сервер.

Мой ответ ему явно не понравился. Еще бы, я посмела поставить под сомнение ЕГО замначальственное решение. А мне стоило огромного труда сдерживать улыбку, так как именно в этот момент я поняла, почему он отдал настолько идиотское распоряжение. Общение с офисной техникой никогда не было сильной стороной Вадим Сергеевича. И, как многие люди, плохо умеющие обращаться с современными технологиями, он был уверен, что пока сияет голубой экран, зна-

ющий человек найдет способ, как пробраться к нужной информации, независимо от того, подключен компьютер к какой-либо сети или нет. Фильмов про хакеров насмотрелся. Вот он и решил, что единственный способ убереечь программу выписки от несанкционированного доступа – это физическое отключение. Правда, для меня непостижимой тайной осталось другое – на черта вообще перекрывать нам доступ в программу? Боялся, что мы там чего-нибудь смахинируем? Так мы ж в ней каждый день работаем!...

–

Снежана Игоревна, не мне вам объяснять, что на рабочем месте должны быть порядок и дисциплина. Если мы сейчас подключим компьютеры, то люди начнут играть в игрушки и шлаться по интернету. Я думаю, вы отлично понимаете, что подобное времяпрепровождение на рабочем месте недопустимо!

–

С одной стороны понимаю, – вздохнув, согласилась я, – с другой стороны, нам запретили покидать рабочие места, кроме как в туалет и покурить. Если людей хоть чем-нибудь не занять, будут ссоры и скандалы. И уж конечно поползут самые разнообразные сплетни.

Вадим Сергеевич слушал меня с кислой миной. А при последних словах встрепенулся, прямо подался весь ко мне.

–

Вы правы, Снежана Игоревна! К сожалению, наши сотруд-

ники любят распускать языки. И, как показывают последние события, это может привести к довольно печальному финалу!

—

Что вы имеете в виду? – удивилась я. Его заявление звучало довольно странно. Зам поглядел на меня исподлобья, пожевал губами, прежде чем ответить.

—

Только то, Снежана Игоревна, что убит наш сотрудник. Вы конечно знакомы с официальной версией следствия о том, что его убил кто-то из наших... э-э.. коллег, – как он все-таки любит переводить стрелки! Сказал бы уж прямо – я уверен, что Витька пришел кто-то из своих! Так нет, же следствие так думает! А он своего мнения не имеет? – И хочу напомнить, что его убийцу пока что не нашли! Поэтому, нашим сотрудникам необходимо обсуждать эту ситуацию как можно меньше! Ведь нет никакой гарантии, что высказываясь по этому поводу, вы не выражаете свое мнение... гм... потенциальному подозреваемому!

Я слушала его с интересом. Надо же, как разошелся! Раскраснелся даже! Правда, его дальнейшее заявление и вовсе повергло меня в шок.

—

Так что, Снежана Игоревна, ваша обязанность сейчас заключается в том, чтобы максимально занять своих сотрудников.

–

Чем, например? – и, не удержавшись, съязвила: – В «Города» с ними поиграть?

–

Ну, скажем, пусть разберут свои столы, наведут порядок в кабинете.

–

Вадим Сергеевич, у нас в отделе практикуется поддержание порядка постоянно. Даже если мой отдел сейчас дружно примется за генеральную уборку, этого занятия им хватит максимум на полчаса, – мой голос звучал предельно вежливо, а внутри все медленно закипало. Так и знала, что он что-то в этом роде загнет! И вот чувствует мое сердце, уборка – это только цветочки...

–

Значит, придумайте что-нибудь! – зам начал выходить из себя, даже хлопнул ладонью по столу.

–

Хорошо, – ответила я, изо всех сил стараясь сделать так, чтобы мое отношение к нему не так красноречиво сквозило в голосе, – постараюсь.

–

Будьте любезны, постарайтесь, – ехидно произнес он. И уткнулся в свои бумаги.

–

Я могу идти? – я поднялась.

–

Да, можете, – он нарочито рассеянно махнул рукой, демонстрируя, что уже с головой погрузился в другое дело, и я направилась к двери. Я уже открыла ее и шагнула, когда он вдруг окрикнул меня:

–

Снежана Игоревна, стойте!

–

Да, в чем дело?

–

Мне кажется, я знаю, чем занять ваших девочек.

–

Де-во-чек? – холодно уточнила я, приподняв бровь.

Это и само по себе звучало не слишком уважительно, а уж в отношении Миши...

– Ну этих, ваших... – Вадим Сергеевич нетерпеливо махнул рукой, – кто там у вас работает...

Я лишь покачала головой и сухо поинтересовалась:

–

Чем?

–

На днях ко мне заходил один из наших торговых представителей, и жаловался, что у него возникают сложности при передаче заказов по телефону.

Вот это новость! А я не в курсе! Я вернулась, снова села.

–

Кто жаловался, и какие сложности подразумевались?

Для меня его заявление было крайне неприятным. Во-первых, потому, что нашелся человек, который не подошел со своими проблемами ко мне, а сразу побежал и накапал начальству, да еще кому? Заму! Во-вторых, несмотря на сложности в наших взаимоотношениях, в своих сотрудниках, точнее в их профессионализме, я была уверена. Каждый из них работал у нас достаточно давно, знал отлично и особенности работы с программой и номенклатуру.

—

Кто проявил недовольство, я вам говорить не буду, — произнес Вадим Сергеевич. Судя по стервозности, мелькнувшей в его голосе, ему тоже не слишком хорошо удавалось скрывать свое презрение ко мне, — а смысл жалобы заключается в том, что ваши сотрудницы плохо знают названия товаров, путаются при принятии заказов, переспрашивают, и все равно выписывают не то, что требовалось!

О-о-о! От возмущения у меня даже в глазах потемнело! Все встало на свои места, я поняла, откуда дует ветер. Из тридцати наших торговых представителей трое отличались довольно некрасивым отношением к сотрудникам нашего отдела. Эти люди считали, что в рабочее время мы просто валяем дурака, гуляем по просторам интернета, играем, пьем кофе, курим, в общем, занимаемся чем угодно, только не работой.

Если одному из этих людей случилось позвонить и напо-

роться на занятый номер – это однозначно воспринималось, что вот, мол, сидит, треплется на свои личные темы в рабочее время. И никакие доводы, что оператор по этому номеру может в это время принимать заказ у его коллеги, не действовали. Номенклатура тут тоже была камнем преткновения. Дело в том, что крупные сетевые магазины работают, как правило, по так называемой «матрице», строго определенному списку товаров, одинаковому для всех магазинов сети. Сетей таких было несколько, соответственно, «матриц» тоже, и конечно, они содержали разные наименования товаров.

Большинство торговых представителей при передаче заказа по телефону диктовали четко и ясно, произнося название так, как оно было обозначено в прайсе, а то и вовсе пользовались внутренней кодировкой. Но, находились люди, которые считали, что вполне достаточно сказать «Светлое» и всем сразу же станет понятно, какое именно это «светлое», причем еще и определить в банке или бутылке, ведь эта сеть берет только такое...

На этой почве постоянно возникали конфликты, торговые кричали, что «Ну ты же знаешь, что мои только это пиво заказывают!», операторы отвечали, что они не обязаны помнить, что конкретно заказывает каждый конкретный магазин. Если человек хочет, чтобы его заказ был выписан правильно – значит нужно правильно диктовать. Дальше шли аргументы «Это вы там в офисе сидите, а я тут в любую по-

году по улицам бегаю!», на что «прилетал» ответ: «Ты сам эту работу выбрал, никто тебя не заставлял», и так далее, в том же духе.

—

Вадим Сергеевич! – заговорила я, набрав в грудь побольше воздуха, – Эта тема уже не раз поднималась и обсуждалась! И всегда приходили к одному и тому же выводу – каждый должен хорошо делать свою работу. Оператор – оперативно принимать заказ, торговый представитель – четко и грамотно его передавать!

—

Согласен, – откликнулся зам, таким тоном, что я сразу поняла – врет. И так просто не отступит. – И, тем не менее, я считаю, что как раз сложился удачный момент, чтобы вашим девочкам подтянуться в этом вопросе. Я имею в виду, удачный в том смысле, что у них полно времени, их надо чем-то занять. Так вот пусть садятся и учат матрицы! – он внимательно посмотрел на мое хмурящееся лицо и с глубоким удовлетворением добавил: – Наизусть.

А вот и ягодки!!

Я закусила губу, чтобы удержать себя от нецензурных слов. Все-таки еще не так давно я и сама принимала заказы, да и сейчас порой случается. И если бы мне кто-нибудь сказал, что я должна выучить назубок все наши матрицы – я бы просто послала этого человека куда подальше. Это же просто несерьезно!

–

Снежана Игоревна! – снова обратился он ко мне, видя, что я не реагирую. – Пусть ваши девочки займутся заучиванием матриц. И пусть начнут прямо сейчас.

–

Нет! – решительно ответила я. Пусть уволит меня, если хочет, но я не буду даже озвучивать «девочкам» это предложение. – Вадим Сергеевич! Я не собираюсь заставлять своих сотрудников заучивать матрицы! Мы не в детском саду, честное слово!

–

Снежана Игоревна! – Зам мгновенно вышел из себя, словно ждал этого момента. Такое прямое неподчинение он стерпеть не мог. – Это не просьба! Это мое распоряжение! И будьте добры, немедленно приступите к его исполнению!

–

И не подумаю! – я закусила удила. Во мне бушевала ярость. – Я считаю вашу идею просто абсурдной, извините за прямоту! Если у торговых представителей возникают проблемы – пусть тренируют дикцию и учатся четче формулировать свои мысли! Я уже не говорю о том, что проблемы возникают далеко не у всех, а лишь у трех конкретных людей. И кроются они, если на то пошло, вовсе не в том, кто и как принимает у них заказы!

–

А в чем же? – Зам чуть отодвинулся от стола, сложил паль-

цы замочком на пузе, и холодно посмотрел на меня.

—

А в том, что у нас работает трое торговых представителей, чей уровень не соответствует занимаемой должности! — я так разозлилась, что, отбросив всякий пиетет, резала правду-матку у него на глазах. — И эти трое постоянно ищут, кого бы обвинить в собственной некомпетентности! Вы и сами это знаете не хуже меня! Вы же лично способствовали тому, чтобы один из них был отстранен от работы с крупными сетевиками! — при этих словах глаза Видима Сергеевича подозрительно забегали, и мне пришло в голову, что именно та история вдохновила его сейчас на это «гениальное» предложение. — К работе моего отдела претензий быть не может. Все мои сотрудники работают грамотно и оперативно! И заставлять их заниматься подобным, извините, идиотизмом, я считаю просто непростительно!

—

Да что вы такое говорите? — он опасно повысил голос и подался вперед, сверля меня злобным взглядом. — С каких это пор у нас работают такие торговые?

—

С тех самых, Вадим Сергеевич, когда вы приняли их на работу! — сказав «А», я решила, что нет смысла замалчивать «Б». — И именно поэтому вы всячески стараетесь замять тот факт, что эти трое до сих пор не добились сколько-нибудь значительных успехов, более того, они постоянно балансиру-

ют на грани срыва плана продаж! И именно у них постоянно есть что рассказать о причинах, которые мешают им работать! – я на секунду замолчала, полюбовалась на его порозовевшие от возмущения уши, и решительно добавила: – Даже если все сотрудники моего отдела будут знать все прайсы наизусть, продажи этих «гениев» не вырастут! Поэтому никто ничего зубрить сейчас не будет...

–

Снежана Игоревна! – Зам сорвался на крик и стукнул кулаком по столу, – Это не обсуждается! Идите и исполняйте!

–

Нет! – Я поймала себя на том, что тоже начала орать, и с трудом удержалась от того, чтобы тоже грохнуть по его столу. – Если вы, Вадим Сергеевич, считаете, что это необходимо, вы можете пойти и сами сказать моим сотрудникам, чего от них хотите. Но я этого говорить не собираюсь!

Я поднялась, давая ему понять, что не намерена дольше оставаться. Я отлично знала, что сам он ни за что не пойдет в наш отдел. Исключительно потому, что отлично понимал, какая последует реакция. Я снова схватилась за дверную ручку.

– Снежана! – Вадим Сергеевич настолько потерял самообладание, что забыл назвать мое отчество. – Сядьте! Я вас не отпускаю! Вы обязаны мне подчиняться! Это приказ!

Я медленно обернулась, еще раз глубоко вдохнула, чтобы хоть как-то успокоиться и заговорила ровным голосом:

– Вадим Сергеевич, вот что я вам скажу: во-первых, мы не в армии, и за неисполнение *вашего* приказа меня под трибунал не отдадут. Во-вторых, если уж вы намерены раздавать приказы, то постарайтесь, чтобы в них содержалось рациональное зерно. Или вы считаете, что если *вы* прикажете с крыши спрыгнуть, мы тоже подчиниться обязаны? И в-третьих, вы, конечно, руководитель, но это не дает вам права издеваться ни надо мной, ни над моим отделом. Идею о том, чтобы выучить наизусть более чем сто пятьдесят матриц, содержащих от тридцати наименований и более, я считай полностью несостоятельной. И – повторяю еще раз – озвучивать ее не собираюсь.

Я замолчала, переводя дух и разглядывая его побелевшее от ярости лицо. Вадим Сергеевич никогда не относился ко мне хорошо, а после того, как меня сделали «старшей по тарелочкам» и вовсе откровенно возненавидел. Так уж повелось с самого начала, еще с того момента, когда Ульяна только привела меня. Тогда при виде кого-либо, кто назывался «начальником», я впадала в ступор от смущения, из-за чего Вадим Сергеевич раз и навсегда сделал вывод, что я – полная тупица. И страшненькая к тому же. Потом, более-менее освоившись, я научилась не дрожать перед руководством, как осиновый лист, а спустя еще какое-то время, даже начала высказывать свое мнение по некоторым вопросам. Вот этого зам стерпеть уже не мог. Всем своим поведением я ясно давала понять, что он сильно ошибся в изначальной оценке.

А это его бесило. Поэтому он, осознанно или нет, все время пытался сделать из меня ту самую «страшенькую тупицу», которую увидел в самом начале.

А уж когда я полностью поменяла свой имидж, когда вдруг стало понятно, что я не только не тупая, но еще и не страшная, моя персона и вовсе стала выводить его из себя. Уж не знаю, почему. Понятное дело, что с моей стороны он тоже расположения как-то не удостоился. Сложно проникнуться добрыми чувствами к человеку, который тебя откровенно презирает, причем без особых на то оснований. Может быть, у кого-то и хватает на это широты души, но уж точно не у меня... Тем более, что у меня в принципе было мало поводов относиться к этому типу с уважением.

Он представлял собой один из самых жутких типов руководителей – считал, что только его мнение может быть правильным, а так же, что все, кто ниже него рангом суть таври недостойные, не заслуживающие ничего, кроме высокомерного снисхождения. К вышестоящему руководству напротив, относился раболепно и подобоострастно до тошноты. Наверное, когда я даю ему оценку, меня заносит, но поделаться с этим ничего не могу, настолько неприятен мне этот человек.

Вот и сейчас, умом я понимала, что эта наша стычка, после всего, что я ему тут вывалила, не что иное, как объявление войны. Ведь если я высказала все это ему, значит, могу сказать и кому-то еще, а вот этого заму точно не надо. У

меня же эта ситуация вызывала весьма противоречивые чувства. С одной стороны, весь ее абсурд бесил так, что хотелось и в самом деле то ли кулаком по столу шандарахнуть, то ли дыроколом в стекло запустить. С другой же стороны, это был еще один весомый аргумент в пользу решения, вот уже несколько недель зревшего в моей душе...

– Снежана Игоревна! – ноздри у зама хищно раздувались, лысина агрессивно сияла. Я бросила ему прямой вызов и это откровенно его бесило. Еще бы, я позволила себе вслух сказать то, о чем он предпочитал даже не думать. Уела его по всей программе. – Вы только что себя полностью дикредитировали как руководитель отдела. Как только это станет возможным, я поставлю вопрос о вашем увольнении!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.